

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРКХЕЛ III

Андрей Северский
ДаркХел-3
Серия «ДаркХел», книга 3

<https://litres.ru/73779492>

SelfPub; 2026

Аннотация

В третьей части книги становится по-настоящему "страшно интересно"...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	67
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Андрей Северский

ДаркХел-3

Глава 1

Хорошенько перекусив – а «Всемогущий Утолитель» постарался на славу, выдав нам жареную дичь с травами, наваристый суп, и что-то тёмное и хрустящее, что Севандр назвал «закуской для смелых» – мы выслушали краткий, но насыщенный бранными вкраплениями трактат алхимика о том, как не угробиться на его же ловушках.

Разложил перед нами схему, нацарапанную на потрёпанном пергаменте и водил по ней закопчённым пальцем:

– Вот здесь, после второго поворота, – сказал он, – будет «Невидимая паутина». Не наступите. Просто присядьте и проползите, как благородные слизи. Дальше – «Каменные объятия». Шаблон шагов: два вперёд, шаг влево, три прямо, прыжок через трещину. Запомнили? Нет? Ну и ладно. Кости соберём потом.

– А «Иллюзия выбора?» – спросила Фелиза, натягивая сапог. Её лицо было бесстрастным, но в голосе чувствовалось лёгкое напряжение. – Ты говорил, там два пути.

– Да, – кивнул Севандр. – Левый – смерть в виде кислых слизней, правый – жизнь. Ключ – в звуке. В левом свистит

сквозняк, похожий на плач ребёнка. В правом – тишина. Не поддавайтесь на жалость. Демоны плачут милее.

– Прекрасные у тебя здесь развлечения, – проворчал я. – Прямо курорт для мазохистов.

– Зато никто не находит, – невозмутимо парировал Севандр. – Кроме вас, конечно. Теперь – иллюзорная стена. В конце тупика в стене есть камень с другой текстурой. Нажимать: три коротких, пауза, одно долгое. Не перепутайте, а то откроется не выход, а шкаф с моим старым бельём. Никому не нужно это видеть.

«Надеюсь, он пошутил» – подумалось мне.

– Будьте осторожны, – тихо сказала стоящая рядом ведьмочка. – Оба. И... возвращайтесь. Пожалуйста.

Фелиза кивнула, не глядя на неё:

– Не волнуйся, знахарка. Я уже прошла через ботанический кошмар. Что мне какие-то каменные ловушки?

Мы в который раз отправились в гардеробную Севандра – суккуба перебрала висящую одежду, и вытащила два тёмно-серых плаща с капюшонами. Один бросила мне:

– Примеряй. Чем незаметнее, тем лучше.

Я накинул плащ. Он оказался тесноват в плечах – пришлось расстегнуть верхнюю пряжку, чтобы не задыхаться. Фелиза же, напротив, в своём утонула. Плащ болтался на ней, как на вешалке, делая её похожей на подростка, укравшего одежду отца.

– Идеально! – сказала она, накидывая капюшон. – Выглядим как беглые прокажённые. В сегодняшнем Джурджу это лучшая маскировка.

– Ладно, мы пошли, не скучайте тут. И не взрывайте убежище, пока нас нет. Особенно ты, Севандр.

Алхимик, уже погружённый в изучение посоха МалГорина, лишь отмахнулся, не отрывая взгляда от какого-то мерцающего кристалла:

– Удачи. И не умрите. Мне потом ваши трупы тащить обратно совсем не хочется, – напутствовал он «добрым словом».

Вместе с Фелизой двинулись в путь.

Первые ловушки дались относительно легко. «Невидимая паутина» оказалась именно такой – почти невидимыми нитями на уровне груди и лодыжек. Мы присели и проползли, как и советовал Севандр. Я, правда, зацепил плащом, и тонкая нить задрожала, издав едва слышный звон. Мы замерли, ожидая, что вот-вот из стен вылезут шипы или на голову свалится каменная глыба. Но ничего. Видимо, система уже немного расстроилась от времени.

«Каменные объятия» были посерьёзнее. Пол здесь усеян почти неразличимыми плитами. Вспомнил схему: два вперёд, шаг влево, три прямо, прыжок...

Прыжок через трещину, которая выглядела так, будто её проделал гигантский червь. Я перепрыгнул, приземлившись

на неустойчивый камень, и едва удержал равновесие. Фелиза последовала за мной с грацией кошки – её движения были плавными, беззвучными. Когда она оказалась рядом, я услышал её тихое, сдавленное ругательство.

– Твоему другу явно не хватало человеческого общения. Или он просто ненавидел всех, кто мог к нему заглянуть, – прокомментировала суккуба.

– Он ненавидел незваных гостей, – поправил я. – А это, в принципе, почти все.

И вот, наконец, тупик. Гладкая каменная стена, ни намёка на выход. Я начал шарить руками по поверхности, ища тот самый камень с другой текстурой. Фелиза стояла позади, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу:

– Ну что, нашёл? Или мы будем стоять здесь, пока не вырастем мхом? – поинтересовалась она.

– Тише, – проворчал я в ответ. – Он говорил, что камень отличается на ощупь. Шершавый... или более гладкий...

Мои пальцы наткнулись на участок, который действительно был чуть более шероховатым, чем всё вокруг:

– Вроде он. Теперь... три коротких, пауза, одно долгое.

Я нажал. Камень ушёл внутрь с глухим щелчком. И... ничего не произошло.

Фелиза вздохнула:

– Блестяще. И что дальше?

– Подожди, – я нажал ещё раз, уже с большей силой. Щелчок, но стена не двигалась. – Чёрт. Может, последователь-

ность другая?

– Дай я, – Фелиза отодвинула меня в сторону. Её пальцы быстро ощупали камень. – Три коротких, пауза, долгое. Возможно, пауза должна быть дольше.

Она прижала ладонь к камню, закрыла глаза, как будто сосредоточиваясь. Потом нажала: раз-два-три... выдержала паузу, считая про себя... и нажала ещё раз, удерживая.

Раздался не щелчок, а низкий, гулкий скрежет. Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая узкую щель. Суккуба открыла глаза и посмотрела на меня с торжествующим выражением:

– Видишь? Нужно чувствовать ритм. И не паниковать.

– Чувствовать ритм, – повторил я, пролезая в щель. – Конечно. А я-то думал, нужно просто не облажаться. Спасибо, что просветила.

Она проскользнула вслед за мной и стена закрылась, оставив нас в узком, тёмном проходе. Запахло сыростью, плесенью и чем-то ещё – может, надеждой. Или просто крысиным помётом.

Дальше нам пришлось попетлять. Катакомбы под Джурдже были лабиринтом, который, казалось, не подчинялся никакой логике. Иногда стены сходились так, что приходилось пробираться боком, иногда потолок поднимался высоко и в темноте мерцали странные минеральные жилы. Встречались и обитатели – крысы размером с кошку, а то и с небольшую собаку. Они не нападали, только наблюдали красными глаз-

ками из темноты, провожая нас взглядом. Один раз я чуть не наступил на что-то мягкое и склизкое, что тут же шмыгнуло в трещину.

Меня не отпускали мысли. Об Истаре. О его словах. О «ней». О том, что где-то там, наверху, мир катился в тартары, а я таскал в своей голове демона, который тосковал по дому. Иронично. До боли иронично.

Фелиза следовала по пятам, словно тень. Она не нарушала тишину, но я чувствовал её взгляд на своём затылке. Пристальный, изучающий. Как будто она пыталась прочесть мои мысли через дыры в капюшоне. В конце концов, не выдержал:

– Давай спрашивай, а то ведь дырку мне в голове протрёшь своим взглядом.

За спиной послышался лёгкий звук – девушка поперхнулась. Видимо, не ожидала, что я заговорю. Откашлявшись, она спросила необычно тихим, без язвительности голосом:

– Александр... а почему ты не убил меня тогда, в храме? Ты же мог просто бросить и уйти. Почему ты до сих пор возишься со мной?

Этот вопрос застал меня врасплох. Остановился так резко, что Фелиза по инерции врезалась мне в спину. Она чуть не отлетела назад, но я успел схватить её за рукав плаща и удержать от падения. Повернулся, и в узком проходе мы оказались лицом к лицу. В тусклом свете минеральных жил её

разноцветные глаза – один серый, один зелёный – казались огромными и очень серьёзными.

Я отпустил её рукав.

– Знаешь, Фелиза... – начал я, подбирая слова. – Это был не жест доброй воли. Скорее... простая необходимость получения информации. Не более. Ты знала о графине, о планах. Ты была ценной. Как ключ. Или как лом.

Она не отводила взгляд:

– А сейчас? Сейчас я уже не так ценна. Информация получена. Графиня раскрыта. Орден... что-то там. Почему я всё ещё рядом с тобой?

Вздохнул, глядя куда-то поверх её головы, в темноту тоннеля:

– Сейчас принцип ещё более простой, чем тогда. Враг моего врага – мой... ну, не совсем друг. Союзник поневоле. Ты сражалась с нами. Ты спустилась в тот адский сад за грибом. Ты не сбежала, когда была возможность. И... – я запнулся, чувствуя, как слова звучат неестественно пафосно, но всё равно продолжил, – ...и ты проявила себя с другой стороны. Неожиданной для монстра. Я в тебе увидел больше человеческого, чем есть в большинстве людей, которых я встречал. Дерьмовых, жадных, трусливых людей.

Фелиза замерла. Потом уголки губ дрогнули, и на её лице появилась улыбка. Не та, язвительная, хищная улыбка, которую я знал. А другая. Мягче. Словно принятие. Или осмысление.

– Вы все, – тихо сказала она, опуская голову. – Чечилия, Севандр... и даже ты, Александр. Вы проявили заботы ко мне больше, чем мои создатели. Больше, чем все остальные существа, что мне встречались. Вы... не пользовались мной. Не пытались сломать. Не боялись, но и не презирали. Просто... приняли. Как есть. Со всем моим багажом, с прошлым. Это... странно.

Я стоял, чувствуя неловкость. Суккуба, выражающая благодарность. Мир определённо катился к чертям и не только в переносном смысле. Сдавленно кашлянул, отводя взгляд:

– Фелиза, если ты сейчас расплачешься, эти катакомбы затопит. И мы не выберемся никогда. Пойдём дальше. У нас ещё много работы.

Она подняла голову, и на её лице снова появилось привычное выражение – смесь сарказма и вызова. Но в глазах что-то осталось. Что-то тёплое. Что-то человеческое.

– Кто сказал, что я собиралась плакать? – она фыркнула. – Я суккуба. Мы не плачем. Мы... испаряем излишки эмоциональной влаги. Но да, пойдём. А то тут пахнет крысами и сентиментальностью. Не самое лучшее сочетание.

Развернулся и пошёл дальше. И почему-то почувствовал, что груз на душе стал чуть легче. Или это просто показалось.

Как и говорил Севандр, выход из катакомб оказался в ни чем не примечательном строении – полуразрушенном сарайчике, заваленном хламом. Я приоткрыл дверь и выглянул.

Улица была пустынна, если не считать пары бродячих собак, роющих в мусоре. Вдалеке слышались крики, но здесь, в этом закоулке, царила гнетущая тишина.

– Похоже, безопасно, – прошептал спутнице. – Выходим.

Мы выскользнули на улицу, накинули капюшоны и пошли по нужному адресу, стараясь не привлекать внимания. Фелиза взяла на себя роль проводника – она уверенно вела меня по узким, грязным переулкам, петляя, как лиса. И с каждой пройденной улицей, Джурджу всё больше напоминал не город, а поле боя, оставленное после жестокой резни.

Картина была удручающей. Разбитые окна лавок и домов зияли, как пустые глазницы. Остовы перевёрнутых торговых лотков валялись на мостовой, перемешанные с гниющими овощами и обрывками ткани. Кое-где ещё дымились груды обгоревших брёвен – следы недавних пожаров. Воздух был полон запаха гари, гнили и страха. На стенах изредка висели те самые плакаты, о которых заикался алхимик после похода в город. Грубо намалёванные, с лозунгами, которые мало соответствовали действительности: «Освободитель!», «Он изгонит церковников!». Кто-то добавил к моему портрету рога и клыки. Мило.

Люди сновали по улицам, но это были не обычные горожане. Это были тени. Испуганные, озлобленные, с пустыми глазами. Одни бежали, неся в руках какие-то жалкие пожитки, другие стояли в кучках и орали друг на друга, размахивая кулаками. Мимо промчался отряд городской стражи – чело-

век десять, в потрёпанных доспехах, с лицами, выражающими усталую ярость. Они даже не посмотрели в нашу сторону. У них были дела поважнее – где-то впереди раздавались звуки драки, и звон разбитого стекла.

– Прошло не так уж много времени после пожара в порту, – тихо сказал я, наблюдая за этим адом. – А люди уже успели превратиться в животных, снизошедших до первобытных инстинктов. Удивительная скорость деградации.

Фелиза ничего не ответила. Она лишь чаще озиралась по сторонам, её глаза сканировали каждый переулок, каждую тень. А пальцы время от времени касались рукояти кинжала, спрятанного под плащом.

Мы шли ещё минут двадцать, пока не дошли до нужного района. Глухая окраина, где дома стояли криво, будто пьяные, а мостовая давно превратилась в грязное месиво. Спутница остановилась у здания, которое даже на фоне всеобщего упадка выглядело особенно уныло. Старый постоялый двор «У Седого Осла». Вывеска висела на одной петле, краска облупилась, обнажив гнилое дерево. Окна были забиты досками, кроме одного, в котором тускло светился огонёк. От всего строения веяло безысходностью, тленом и дешёвым пойлом.

– Здесь, – сказала Фелиза. – Если кто и выжил, то прячется здесь. Держись настороже.

«Хороший совет!» – усмехнулся я, и мы вошли внутрь.

Если снаружи было плохо, то внутри – в разы хуже. Воздух ударил в нос плотной, липкой смесью запахов: дешёвого табака, перегара, пота, мочи и даже натурального дерьма. Свет давали пара коптящих масляных ламп, отбрасывающих на стены несуразные тени. Пол был липким от чего-то, чего лучше не знать. Вдоль стен стояли грубые столы и скамьи, за которыми сидели – или лежали – личности самого разного калибра: от опустившихся пьяниц до подозрительных типов в потрёпанных плащах, чьи взгляды скользили по нам, оценивающе и без дружелюбия. В углу кто-то блевал. Рядом двое о чём-то горячо, но неразборчиво спорили, размахивая кулаками. Это был не притон. Это была обыкновенная клоака.

Фелиза не дрогнула. Она сделала едва заметный кивок в сторону дальнего угла, где за отдельным столом сидел человек, полностью одетый в чёрное – от сапог до перчаток. Лицо скрыто глубоким капюшоном, но по осанке чувствовалось – совсем не пьяница.

– Нам туда, – тихо произнесла она, и направилась к столу, не обращая внимания на окружающих. Я последовал за ней, чувствуя, как десятки глаз уставились на нас. Когда мы подошли, чёрная фигура не пошевелилась, лишь из-под капюшона послышался низкий, хриплый голос:

– Места заняты. Ищите другой стол.

Фелиза не стала церемониться. Она присела на свободную табуретку напротив, откинула капюшон – достаточно, чтобы

её лицо осветилось тусклым светом лампы.

– Ищем не стол, Ворон. Ищем информацию.

Человек в чёрном замер. Из-под капюшона показались глаза – узкие, пронзительные, цвета старого железа. Он смотрел то на Фелизу, то на меня.

– Думал, тебя уже нет, – прошептал он.

– Я сложно убиваема, – парировала девушка. – И сейчас мне нужны новости. Об Ордене. О том, что творится в городе. И о том, где сейчас можно найти слабое место у Габриэлы фон Гельгор...

Ворон – надо понимать, это кличка – медленно откинулся на спинку стула. Его пальцы, затянутые в чёрную кожу, постучали по грубому дереву стола:

– Информация стоит дорого, дорогая, – скаламбурил он. – Особенно сейчас. Особенно о таких... высокопоставленных особах.

– У меня есть кое-что, – сказала Фелиза, и её голос приобрёл тот самый, сладковато-опасный оттенок, который я слышал раньше. – Не золото. Но кое-что поинтереснее. Знание об одной алхимической лаборатории, полной редких ингредиентов. Бесхозной.

Глаза Ворона сузились: «Говори».

– Сначала ты, – сказала Фелиза. – Старая сделка. Доверие – наша валюта. А его у нас не так много.

Ворон помолчал, словно взвешивая риски. Потом кивнул:

– Графиня... она вроде затаилась. После происшествия в порту и исчезновения МалГорина будто ушла в тень. Но слухи ходят. Говорят, она усилила охрану усадьбы. Не только живые, но и твари из Междумирья. Призраки, тени, что-то ещё. Попасть туда теперь – верная смерть.

– А Орден? – спросил я, не снимая капюшона.

Ворон повернул ко мне голову:

– Орден Алого Рассвета расколот. Часть – с новым магистром Владием – поддерживает Графиню. Другая часть, во главе с Вальдемаром фон Грацем, ушла в подполье. Идёт тихая война. Столкновения, похищения, убийства. А простые люди... – он махнул рукой, – ...просто гибнут. Как всегда.

– Слабое место Графини, – настаивала Фелиза. – Должно быть что-то. Ритуал, который она готовит? Артефакт?

Ворон задумался:

– Говорят... она что-то ищет. Не просто силу. Что-то конкретное. Ключ. Или дверь. Связано с тем, что случилось сто лет назад. С тем ритуалом, что провалился. Она хочет его завершить. Но для этого ей нужна... живая душа. Сильная. С сопротивлением. Чтобы пробить барьер между мирами окончательно.

Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Живая душа. С сопротивлением. Это звучало как...

– Она ищет тебя, – тихо сказал Ворон, глядя прямо на меня. Его глаза, казалось, видели сквозь капюшон, – Александр ДаркХел. Ты – та душа. Ты – тот ключ. И она знает, что ты

где-то здесь. В городе. Она расставляет ловушки. Нанимает охотников. Ждёт, и имеет все шансы дожидаться...

Тишина за нашим столом стала пронзительной. Даже общий гул притона куда-то отступил. Фелиза посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то – тревога? Предупреждение?

– Спасибо, Ворон, – сказала она, нарушая тишину. – Лаборатория находится в старых катакомбах под районом Пепельных Складок. Вход завален, но если расчистить... ты найдёшь там кое-что интересное. Реактивы, кристаллы, может быть чьи-то старые записи.

Ворон кивнул, его лицо оставалось непроницаемым:

– Считаю, мы квиты. А теперь совет – убирайтесь отсюда. Слишком много глаз. И далеко не все дружелюбны.

Оба поднялись. Я почувствовал, как взгляды со всех сторон снова устремились к нам. Фелиза накинула капюшон, и мы быстро направились к выходу. По пути заметил, как двое крепких парней у дальнего стола переглянулись и не спеша поднялись вслед за нами.

– Фелиза, – тихо сказал я. – За нами слежка.

– Знаю, – она не обернулась. – Двое. Может, больше. Не останавливайся. Выходим на улицу и теряемся в переулках. Готовься к драке.

Вышли на улицу. Воздух, пахнувший гарью и отчаянием, показался после притона почти свежим. Я услышал за спи-

ной шага – тяжёлые, не скрываемые. Они не торопились. Они знали, что мы никуда не денемся. Хотя они явно не в полной мере осознавали всю нашу опасность.

– Убить их? – спросил я.

– Не сразу, – ответила суккуба. – Завлечём подальше.

Она метнулась в узкий проход между двумя полуразрушенными домами. Я – за ней. И сзади, ускоряясь, загremели сапоги наших преследователей. Охота началась. Почему-то был почти уверен, что это только начало самого длинного и грязного дня в моей и так не самой чистой жизни...

Глава 2

– Вроде мы достаточно углубились, чтобы не привлекать внимание, – на ходу бросил я Фелизе, оглядывая узкий, заваленный мусором переулок. Запах гнили и мочи здесь был таким, что щипало глаза. Идеальное место для приватной беседы. Или для резни – смотря как пойдёт.

Суккуба начала замедлять шаг. Последовал её примеру, прислушиваясь. Шаги за нашими спинами тоже стали тише, осторожнее. Они не потеряли нас. И не собирались этого делать.

Мы вдвоём одновременно повернулись, оценивая будущих противников – покойников. В конце переулка, метрах в двадцати от нас, замерла троица. Не просто уличный сброд – битые жизнью волки. Все трое в потрёпанной, но довольно качественной кожаной броне, с нормальным оружием. У двоих – мечи, у третьего – топор на длинной рукояти. Лица скрывали глубокие капюшоны, но даже в полумраке виднелись шрамы, пересекающие щёки и подбородки. Они стояли расслабленно, но в их позах чувствовалась напряжённая пружина готовности. Быть может, даже мои «собратья» – группа Вольных Охотников.

– Кто вы такие и почему нас преследуете? – громко спросил я, не снимая капюшона. Голос эхом отразился от грязных стен.

Тот, что стоял посередине – надо понимать, главарь – «разъяснил»:

– Мы пришли за вашими головами, – басовито произнёс он. Голос был будто ошкурен песком и дешёвым виски. – За вас назначена приличная награда. Особенно за тебя, Дарк... Хел. Он произнёс мою фамилию отдельно, с пренебрежительной растяжкой, будто пробуя на вкус.

– Госпожа щедро готова заплатить за то, чтобы тебя доставили к ней живым. Очень щедро. Твоя голова стоит целого состояния. Остальное... не так важно.

Из-под капюшона мелькнула широкая, недобрая улыбка, обнажившая ряд жёлтых, кривых зубов. Некоторые были чёрными. Красавец!

– Ты слишком сильно востребован, как я посмотрю, – съязвила Фелиза, не отводя глаз от наёмников. – Уже очередь выстроилась. Может, откроешь агентство "Охотник в аренду: для убийств, поисков и развлечения графинь"?

– А тебя, шлюшка, Госпожа приказала убить. И доставить кулон с твоей шеи, – главарь попытался устрашить мою спутницу?

Я увидел, как изменилось выражение лица Фелизы. Она резко перестала улыбаться, губы сжались в тонкую белую полоску, а в разноцветных глазах – загорелся холодный, мерцающий огонь. Не ярость и не гнев. Это была жажда убийства. Чистая, отточенная, хищная. Я видел такой взгляд у голодных волков в лесу. И у убийц, встречавшихся на моём пути.

– Ну что, Фелиза, – сказал я тихо, так, чтобы слышала только она. – Хочешь, чтобы он перед тобой извинился, стоя на коленях?

– Нет! – ответ прозвучал как щелчок взведённого арбалета. – Я хочу лично вырвать ему его поганый язык. А голову насадить на кол рядом с какой-нибудь таверной. В назидание. Пусть все видят, что происходит, когда суккубу называют шлюхой.

Не успел ничего ответить – ни согласиться, ни возразить. Она уже двинулась.

Сбросила плащ одним резким движением – ткань взметнулась в воздух и упала в грязь. Под ним её обычная одежда – практичная, не стесняющая движений. В руке сверкнул кинжал – тот самый, с серебряно-обсидиановым клинком.

Она пошла на врагов быстрыми, семенящими, почти танцующими шажками, которые, казалось, не касались земли. Расстояние в двадцать метров преодолела буквально за несколько секунд.

Наёмники отреагировали. Тот, что справа, рванулся вперёд, выхватывая меч. Фелиза не замедлила шаг. Она просто наклонилась в сторону, позволив лезвию пройти почти впритирку, и одновременно её собственная рука описала короткую, страшную дугу. Кинжал вошёл под ребра наёмника с тихим, влажным звуком, похожим на разрываемую ткань. Мужчина ахнул, глаза его расширились от непонимания. Фе-

лиза вырвала клинок, оттолкнула его падающее тело плечом и уже разворачивалась к главному.

Тот был умнее. Он отступил на шаг, приняв защитную стойку, меч наготове:

– Сучка! Я тебя...

Он не закончил фразу. Фелиза не стала фехтовать. Сделала обманное движение влево, заставив его рубануть мимо себя, а затем рванула вправо, наёмник не успевал вернуть меч.

Левая рука суккубы вцепилась ему в горло, длинные ногти впились в кожу. Он закашлялся, схватил за руку и попытался коротко ткнуть остриём, но кинжал быстро полоснул по внутренней стороне предплечья – сухожилия и кровеносные сосуды оказались перерезаны. Высвободиться из захвата не составило труда.

Следующее движение: смещается ещё левее относительно жертвы, кинжал бьёт в бедро сзади. Наёмник с криком боли припадает на колено. Фелиза схватила его за волосы, приставив лезвие к горлу.

– Шлюха, да? – голос был тихим, почти ласковым, но от этого только страшнее. – Я не шлюха, милый. Шлюхи получают деньги за удовольствие. Я получаю удовольствие от этого.

Провела лезвием по его горлу. Не сильно глубоко – дать помучиться перед смертью. Отпустила его, уже схватившегося за шею, и повернулась к последнему.

Я только успел крикнуть:

– Фелиза! Не убивай! Пусть расскажет!

Тот стоял, не двигаясь. Он видел, как двое товарищей были выведены из строя с пугающей, бесчеловечной эффективностью. Но он не побежал. В его глазах, видных теперь, когда он сбросил капюшон, читалась не трусость, а расчёт. Он был старше своих подручных, с лицом, изрытым оспинами и шрамами и холодными, каменными глазами ветерана.

– Неплохо, – хрипло сказал он, глядя на суккубу. – Но я не мальчик для битья.

Фелиза улыбнулась. Это была улыбка хищника, который уже знает, чем закончится охота:

– Нет. Ты просто старый. И медленный.

Движение девушки, удар топора. Она отпрянула назад, позволив лезвию со свистом рассечь воздух перед лицом. Потом снова шаг вперёд, но не чтобы прикончить – её нога бьёт в колено. Раздался громкий неприятно – вымораживающий хруст.

Наёмник завалился набок, и Фелиза наступила на древко его оружия:

– Коленная чашечка – хрупкая штука, – заметила Фелиза. – Особенно в твоём возрасте. Кости уже не те.

Быстрый присяд, кинжал вонзается в плоть рядом с правым плечом, делая из наёмника уже натуральную жертву, не способную ничего сделать.

Фелиза стояла над ним, дыша почти ровно. На лице и одежде были брызги крови, но она, казалось, не замечала их.

Первый наёмник уже перестал двигаться. Главарь слабо хрипел на земле, захлёбываясь собственной кровью.

— Ну что, — сказала Фелиза, глядя на меня. На её лице была та самая усмешка удовольствия — не злорадства, а скорее удовлетворения от хорошо сделанной работы. — Я оставила одного, как ты просил. Будешь допрашивать? Или мне закончить? Он всё равно уже ни на что не годен.

Я, наконец, приблизился к месту расправы:

— Вас наняла Графиня? — спросил я, опуская остриё меча так, чтобы оно касалось его груди.

Наёмник взглянул на меня. В его глазах не было страха — только ненависть и расчёт. Он промолчал, презрительно усмехнувшись.

— Говори, или я позволю суккубе закончить то, что начала.

— Иди к чёрту, — прохрипел тот в ответ, сжимая зубы от пульсирующей боли.

— Как хочешь, — воткнул остриё «Жажды» ему в бедро, не глубоко — всего на пару сантиметров. Но этого хватило.

Меч ожил. Зелёный камень вспыхнул ярче, и я почувствовал, как по клинку побежала лёгкая вибрация. «Жажда» начал тянуть жизненную энергию из человека. Это далеко не мгновенное убийство — меч «пил» медленно, как пиявка.

Наёмник вздрогнул всем телом. Его глаза расширились, но не от боли — а от ощущения, как что-то тёплое, живое, саму суть его существования высасывают через рану. Его кожа

стала бледнеть, губы посинели.

– Говори! – прорычал я, перебивая его начавшийся стон.
– Кто нанял? Подробно!

Он закивал:

– Ладно... ладно... прекрати...

Вынимать меч из раны не стал, но ослабил хватку, позволив «Жажде» лишь слегка подпитываться. Наёмник тяжело дышал, пот стекал с его лба, смешиваясь с кровью.

– Вчера днём... собрали в храме Святого Элигия. Не в главном зале, в подвале. Там была женщина. Командовала всеми. Не местная... из столицы, что ли. Холодная, как лёд. Глаза... как у змеи.

Ребекка. Похоже на неё.

– Она раздала пергаменты... с изображениями. Трое: ты, – он кивнул на меня, – какая-то тёмноволосая... и суккуба, – он скосил глаза на Фелизу. – Тебя – живым. Доставить в храм. Девушек можно убить... но у суккубы нужно забрать кулон. За тебя – пять тысяч золотых. За кулон – ещё тысячу. За головы девушек – по пятьсот.

– Щедро, – проворчала Фелиза. – А я всего-то на пятьсот. Обидно.

– Больше ничего? – спросил я, надавливая на меч. – Когда следующая встреча? Где сейчас эта женщина?

– Не знаю... клянусь! – мужчина закашлялся.

Удар милосердия. «Жажда» пульсировала в моей руке тёплым, сытым удовлетворением.

– Ну что ж, суккуба, – сказал я, глядя на три трупа. – Мы теперь самые известные и разыскиваемые в этом городе. У тебя есть какие-то идеи? Или, может, остались ещё информаторы? А то твой Ворон ничего особо толкового не сказал, кроме того, что мы и так знали.

Фелиза подобрала с земли свой плащ, скинутый в начале драки. Отряхнула его от самой большой грязи, но пятна крови остались. Чёрт с ними.

– Знаешь, Александр, – сказала она, накидывая плащ на плечи, – у меня есть ещё пара знакомых. Но не факт, что они будут там, где я думаю. И не факт, что будут разговаривать. Ситуация изменилась. Мы теперь не просто беглецы. Мы – цель. И цена на нас высока. Это меняет... многое.

– Нам придётся сегодня много походить, – добавила она, застёгивая пряжку. – Готов?

– А есть какой-то другой выход? – спросил я, глядя на закатное небо, которое едва просвечивало между крышами. Оно было грязно-багровым, как засохшая кровь.

– Нет, – коротко ответила она. Её голос был твёрдым. – Нет другого выхода. Сидеть в норе – значит ждать, когда её раскопают. Бежать из города – значит оставить графиню в покое, а она нас не оставит. Остаётся одно – идти вперёд. Узнавать. Действовать.

Она накинула капюшон и её лицо скрылось в тени:

– Следуй за мной, охотник, – последнее слово она произ-

несла странно – словно играючи, дразня, с лёгким намёком на ту самую язвительность, которая была её визитной карточкой. Но в этот раз в нём чувствовалось что-то ещё. Почти... товарищеское.

Она развернулась и пошла обратно, в сторону улицы, с которой мы свернули, уходя от преследования. Я последовал за ней, бросив последний взгляд на переулок, ставший могилой для троих. В воздухе уже вился запах смерти – сладковатый, тяжёлый.

И пока мы шли, в моей голове крутилась одна и та же картинка: как Фелиза легко, почти играючи расправилась с тремя достаточно опытными бойцами. Быстро. Эффективно. Без лишних движений. Без сомнений.

«Серьёзной была бы соперницей, если бы мы не были на одной стороне» – подумал я.

И почему-то эта мысль не пугала. Наоборот – вызывала странное, циничное спокойствие. В этом безумном мире, где демоны живут в кольцах, графини творят ритуалы в между-мирье, а бывшие жены охотятся за твоей головой, хорошо иметь рядом того, кто умеет быстро и эффективно решать возникающие проблемы. Даже если этот «кто-то» – суккуба с кинжалом, на которую ты сам недавно охотился.

Мы снова вышли на относительно оживлённую улицу. Людей было меньше, чем обычно, и они сновали, как испуганные тараканы. Никто не обратил на нас внимания. Двое в

плащах с капюшонами, испачканных грязью и... да, кровью. Привычный вид для сегодняшнего Джурджу.

Фелиза вела меня дальше, в лабиринт бедных кварталов. И я шёл за ней, а в голове – пока ещё – царила благословенная тишина. Ни шёпота, ни эха. Только мои собственные мысли и тяжёлое предчувствие, что этот день далеко не закончен. И что следующие несколько часов решат, увидим ли мы завтрашний рассвет – или станем ещё одной кровавой легендой этого проклятого города.

Глава 3

– Куда теперь? – спросил я у суккубы, поглядывая по сторонам на творившийся хаос. Улица, по которой мы шли, больше напоминала проходной двор сумасшедшего дома. Где-то впереди горела повозка, и чёрный дым стелился по мостовой, смешиваясь с вечерним туманом. Крики, плач, звон разбитого стекла – стандартный звуковой фон сегодняшнего Джурджу.

– Нам нужно попасть в район лесопилки, – ответила Фелиза, не замедляя шага. – Возможно, там мы сможем найти одного из моих информаторов. В другие места сейчас опасно соваться. Ты же слышал, что на нас объявлена охота, красавчик, – в её голосе явно читались язвительные нотки, но под ними чувствовалась усталость. И не только физическая.

– Хорошо, веди, бесценная, – не смог я удержаться от ответной колкости, сильнее натягивая капюшон, чтобы скрыть лицо от случайного взгляда. – Только давай без долгих прогулок. Мне ещё сегодня поужинать хочется. Желательно – не собственной печению.

– Пожалуйста, – фыркнула она. – Твоя печень, я уверена, на вкус как старый сапог, вымоченный в желчи и цинизме. Ни одна уважающая себя суккуба до такого не опустится.

– Утешительно, – пробормотал я, следуя за ней в лабиринт узких переулков.

Мы пробирались по улицам Джурджу, по самым его тёмным, гнилым уголкам ещё около часа. Город и без того не отличавшийся гостеприимством, теперь превратился в наглядное пособие по тому, как быстро цивилизация скатывается в первобытный хаос, когда исчезает страх перед законом. А закон здесь испарился, как утренняя роса на смрадной мостовой. То, что мы видели, было полем боя здравого смысла с суровой реальностью. И реальность, как водится, выигрывала вчистую.

Властители мира сего – те, кто ещё оставался в своих особняках за высокими стенами – видимо, не собирались особо вмешиваться. Они просто заперлись и ждали, пока буря пройдёт. Богатый квартал, мимо которого нам пришлось пробираться, был оцеплен плотными рядами стражников в добротных доспехах. Они стояли, как каменные идолы, с лицами, выражающими скуку и лёгкое раздражение. Их не интересовало, что творилось за пределами их постов. Их задача была проста: не пускать внутрь квартала грязь, бедность и отчаяние. Своя жизнь – своя шкура – всегда важнее, чем жизни обычных людей, не облечённых властью. Философия простая, как удар топора по шее.

Под скрип собственных мыслей – а они сегодня были особенно громкими и неприятными – мы добрались до лесопилки. Вернее, до того, что от неё осталось.

Район лесопилки находился на окраине города, у самой реки, которая здесь представляла собой медленно теку-

щую зловонную лужу цвета грязной охры. Сама лесопилка представляла собой огромный мрачный комплекс из сараев, складов и открытых площадок, где когда-то пилили лес. Сейчас она больше походила на гигантскую заброшенную пасть. Большинство построек стояло с разбитыми окнами, некоторые полуразрушены. В воздухе висела вечная взвесь древесной пыли, смешанной с запахом влажного дерева, гнили и речной тины. Рабочих было немного – видимо, производство встало из-за общего коллапса. Те, кто остался, слонялись без дела или тихо переговаривались у потухших костров. На лицах – усталость и та пустота, которая наступает, когда будущего нет, а настоящее слишком страшно, чтобы в нём оставаться.

– Ну что, куда дальше? – спросил я Фелизу, которая осталась в тени огромного штабеля брёвен. Её глаза выискивали кого-то среди многочисленных рабочих.

– Подожди меня здесь, Хел. Я сейчас, – ответила она, не отрывая взгляда от группы людей у дальнего сарая. – Не привлекай внимания. Постарайся выглядеть... как часть пейзажа.

– Как часть пейзажа, – повторил я. – То есть как помойка или как безнадёжность? Уточни, а то я могу переборщить.

Она не удостоила меня ответом, просто метнула короткий, убийственный взгляд и, не привлекая к себе особого внимания, пошла в сторону одного из рабочих – мужчины средних лет в грубой, заляпанной смолой одежде. Я присло-

нился к бревну, стараясь выглядеть естественно – то есть как человек, которому некуда идти и нечего терять. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Пронаблюдал, как Фелиза подошла к рабочему, что-то сказала. Тот вздрогнул, огляделся, потом кивнул. Они отошли в сторону, за угол сарая. Разговор был коротким – минут пять, не больше. Потом она вернулась ко мне, и с ней был тот самый мужчина. Сольгрид, как представила его Фелиза.

Человек был, что называется, серой мышью. Ничем не примечательный. Среднего роста, сутулый, с лицом, изрезанным морщинами и недосыпом. Волосы – грязно-песочного цвета, редкие. Одет в потрёпанную, залатанную холщовую рубаху и такие же штаны. Сапоги стоптаны. Типичный житель Джурджу из низов – тех, кого не замечают, пока они не начинают мешать или пока от них что-то не нужно. Таких – тысячи. Идеальная маскировка для информатора.

– Хел, у меня есть хорошие новости, – сказала напарница, когда они подошли. Её голос был тихим, но в нём чувствовалась лёгкая напряжённость. – Сольгрид говорит, что недалеко от старой городской библиотеки есть одно здание. В нём, возможно, мы сможем найти зацепки по графине или её подручным.

Я кивнул, изучая лицо Сольгрида. Оно выражало смесь страха и расчёта. Человек, который продаёт информацию, но боится последствий. Стандартно.

– Это хорошо, Фелиза, – ответил ей, затем обратился к мужчине:

– Сольгрид, можешь поподробнее рассказать, как выглядит здание и почему ты решил, что мы там что-то найдём?

Тот оглянулся, словно боясь, что его слова услышат даже в этом почти безлюдном месте. Он понизил голос до шёпота, который едва перекрывал шум ветра в щелях сараев:

– Я видел... день назад. Ранним утром. Шёл на смену, короткой дорогой мимо библиотеки. Там, в переулке за ней, стоит старый особняк. Каменный, серый, три этажа. Окна заколочены уже года два. Но тогда... там была активность.

Он сделал паузу, сглотнул:

– Я видел, как незнакомец... очень специфической внешности... командовал стражей города и рабочими. У него не было одной руки.левой, по-моему. Пустой рукав. Лицо бледное, как у покойника, и глаза... нечеловеческие.

МалГорин! Так он выжил после отрубленной руки. Или это уже не совсем он? Неважно.

– Рабочие заносили в здание какие-то ящики. Деревянные, тяжёлые. Я спрятался за углом. Вокруг были странные люди. Не городская стража. В другой униформе. Тёмно-малиновые плащи, стальные кирасы...

– А женщина? Ты говорил про женщину... – спросила Фелиза, её голос стал резче.

– Да... женщина была. Вышла из особняка позже. На вид... стервозная. Надменная. Вся в чёрном, платье дорогое,

но строгое. Волосы тёмные, убраны. И лицо... красивое, но как из мрамора высеченное. Ни одной эмоции. Она отдавала приказы тому... однорукому. А тот кланялся и слушался. Как слуга. Потом...

Он замолчал, и его лицо побледнело ещё больше:

– Потом она посмотрела в мою сторону. Не прямо на меня, но... будто почувствовала. Я не стал ждать. Сбежал. Больше туда не ходил.

Сольгрид повернулся к суккубе, и в его глазах читалась откровенная мольба:

– Я, пожалуй, пойду. Не хотелось бы, чтобы меня застукали в вашей компании. Ты же знаешь... вас разыскивают. И тех, кто с вами общается, наверняка тоже.

Фелиза коротко кивнула:

– Спасибо, Сольгрид. Будь осторожен.

Он не заставил себя ждать – кивнул в ответ, развернулся и засеменял прочь, быстро растворяясь в сумерках между складами.

Мы молча постояли несколько секунд. Вечерний воздух становился холоднее, с реки потянуло сыростью.

– Похоже, это были Ребекка и МалГорин, – наконец сказал я. Голос прозвучал хрипло и я с удивлением почувствовал, как от злости сжимаются кулаки. Не просто раздражение – старая, глубокая, едкая злость. На неё. На себя. На всю эту игру, в которую мы все были втянуты. – Они что-то готовят.

И явно не доброе.

Фелиза одобрительно кивнула, но в её глазах не было торжества – только холодная решимость:

– Значит, у нас есть цель. И мало времени.

На Джурджу опускался вечер – багровый, как застывшая кровь. Сумерки всегда были хорошим временем для теневых дел: света достаточно, чтобы видеть, но уже недостаточно, чтобы быть узнанным. Идеальное время для проникновения.

Стоим в глубокой тени разрушенного дома, чуть вдалеке от того здания, про которое рассказал Сольгрид. Он оказался прав на все сто.

Особняк был именно таким – старым, серым, трёхэтажным, построенным из грубого камня. Архитектура выдавала в нём одно из первых капитальных строений в Джурджу, возведённое ещё тогда, когда город был большой деревней у реки. Окна первого и второго этажей были заколочены толстыми досками. На третьем – закрыты ставни. Здание выглядело мёртвым, заброшенным. Если бы не охрана.

Не меньше десятка гвардейцев Ордена. Они не слонялись и не отвлекались – стояли на постах, как статуи, в полном боевом снаряжении: кирасы, наручи, шлемы. Дисциплинированные, хладнокровные и, без сомнения, опасные. Это были не те головорезы, что недавно шли за нами, охваченные жадой наживы. Это была военная сила.

– Есть план, как попасть внутрь? – спросила Фелиза, не

отрывая глаз от особняка. Её голос был ровным, но я чувствовал лёгкое напряжение в её позе.

– Я думаю... стоит импровизировать, – с лёгкой ухмылкой ответил я. – Так как наши планы всегда идут коту под хвост с завидной регулярностью.

– Обнадёживает, – сухо заметила она. – И что предлагает наш великий стратег?

Я указал на одно из окон на втором этаже – оно было заколочено, но доски выглядели старыми, прогнившими. – Что, если ты отвлечёшь стражников, а я проникну вон через то окно? Доберусь по карнизу. Выглядит ненадёжно, но держаться должно. Надеюсь.

Фелиза прищурилась, оценивая путь:

– А может, мы просто обойдём здание, и там окажется другой вход, который менее охраняется?

– Там тоже наверняка есть охрана. Вступать с ними в прямую стычку – грозит лишними дырками в теле. Их много, и они неплохо подготовлены.

Она немного помолчала, её пальцы барабанили по рукояти кинжала. Потом неохотно кивнула:

– Ладно. Действуем по твоему плану. Как я должна их отвлечь? Спеть серенаду? Станцевать танец с саблями?

– Придумай что-нибудь... суккубское, – сказал я. – Только без убийств. Просто отвлеку. Шум, крик, что угодно. А потом убегай. Не вступай в бой. У них наверняка есть маги-

ческое оружие, и они не те простачки, с которыми ты недавно расправилась. Это солдаты. Они будут биться до конца и сделают это эффективно.

Фелиза повернула ко мне голову:

– Что это? Сам Александр ДаркХел проявил заботу о монстре, на которого не так давно охотился и был готов убить? Я тронута. Прямо до слёз. Если бы я умела плакать...

– Нет, – сурово ответил я, глядя ей прямо в глаза. – Просто если тебя убьют, не хочется потом видеть сопли и слёзы Чечилии. И слушать бесконечное нытьё Севандра о том, как он потерял ценный экземпляр. У меня на это нервов не хватит.

Она фыркнула, но в уголках её губ дрогнуло что-то похожее на улыбку:

– Поняла. Чистый прагматизм. Мой любимый вид заботы. Ладно, охотник. Только, чур, если тебя там прибьют, я не буду плакать. Максимум – поставлю на могилу бутылку дешёвого вина. В память о твоём невыносимом характере.

– Договорились, – я глубоко вздохнул. – Ты отвлекаешь их на восточной стороне. Шуми, кричи, подожги что-нибудь – чтобы дым пошёл. Когда они побегут к тебе, я полезу. Как только окажусь внутри, уходи. Не жди. Возвращайся к точке, где мы расстались с Сольгридом. Найду тебя там, если выживу.

– Если, – повторила она, и в её голосе вдруг прозвучала непривычная серьёзность. – Ладно. Начинаем. Удачи, Хел. Не облажайся там.

– И ты не умри слишком эффектно. Это банально.

Она метнула в мою сторону последний колючий взгляд, затем скользнула в тень и исчезла, как призрак. Я остался один, прижавшись спиной к холодному камню разрушенного фундамента, наблюдая за особняком. Сердце – или то, что его заменяло, – стучало ровно, но громко. В голове было тихо. Даже слишком тихо.

– Ну что ж, – прошептал себе под нос, глядя на заколоченное окно, которое должно было стать моим входом в очередной круг ада. – Снова в бой. Снова лезть, куда не просят. Когда-нибудь я научусь говорить нет таким идеям.

Но сегодня явно не тот день.

Я ждал. Секунды тянулись, как смола. Стража не двигалась. Потом с восточной стороны, куда ушла Фелиза, раздался грохот – как будто упала большая куча железа. Затем крик – женский, пронзительный, полный якобы ужаса. Потом ещё один грохот и в небо взметнулся столб чёрного дыма.

Охрана у особняка мгновенно пришла в движение. Половина гвардейцев рванула на шум, с оружием наготове. Оставшиеся напряглись, но их внимание было приковано к источнику беспокойства.

«Вот и мой шанс», – подумал я и, не теряя ни секунды, выскользнул из тени.

Водосточная труба, ведущая к карнизу второго этажа, была старой, ржавой, но держалась. Я вцепился в неё, почув-

ствовав, как хрупкий металл прогибается под моим весом. – Только не сейчас, – пробормотал я, начиная карабкаться. – Только не сейчас.

До меня донёсся ещё один крик – теперь уже боевой клич и звук столкновения. Фелиза, видимо, не просто шумела – она вступила в короткую стычку, чтобы отвлечь их подольше. Бесценная сумасшедшая.

С кряхтением взгромоздился на карниз. Так и хотелось сказать что-нибудь из серии: «Я слишком стар для такого дерьма!»

Прижавшись к стене, добираюсь до окна. Доски действительно прогнили. Одной рукой вцепившись в самую целую, другой попытался вырвать нижнюю доску. Дерево с небольшим треском поддалось, ломаясь посередине. Вторая – тоже. В проёме показалось грязное, разбитое стекло.

Быстрый взгляд вниз – охрана полностью исчезла, все бросились на шум, устроенный Фелизой. Обмотал руку плащом, ударил кулаком, и стекло с тихим звоном осыпалось внутрь.

Просунулся в проём, почувствовав, как остатки стекла рвут плащ, и втянул себя внутрь.

Темнота. Запах пыли и плесени. Я оказался в комнате, заваленной старым хламом. Свет с улицы слабо пробивался сквозь разбитое окно.

Прислушался. Где-то внизу слышались голоса, шаги – ви-

димо, те, кто остался внутри. Но здесь, на втором этаже, казалось, было пусто.

– Отлично, – прошептал, выпрямляясь и отряхиваясь от стекла. – Я внутри. Осталось только найти, что же здесь такого ценного припрятали Ребекка и МалГорин. И, желательно, сделать это, пока меня не обнаружили.

Осторожно подошёл к двери, приоткрыл её. Длинный, тёмный коридор, лишь возле лестницы одиноко светит магический кристалл, давая общий ориентир.

– Что ж, – вздохнул я, призывая «Жажду». Зелёный камень в гарде слабо пульсировал, будто принимаясь к окружающей энергии. – Пора начинать экскурсию. Только, чёрт возьми, пусть она того стоит!

И я шагнул в коридор, навстречу темноте и секретам, которые могли стоять нам всем жизни.

Глава 4

Идя по коридору второго этажа, я открывал каждую встречающуюся дверь с осторожностью параноика, ожидающего в каждом помещении засады, сокровищницу или, на худой конец, особо агрессивную мышь. Но ничего. Пустота. Пыльные комнаты, заваленные сломанной мебелью, груды тряпья, паутина толщиной в верёвку. Ни ящиков, ни сундуков, ни зловещих алтарей. Только тишина, давящая и недобрая. Это место казалось вымершим, законсервированным в своём упадке. Но здесь что-то происходило. И недавно.

– Прекрасно, – пробормотал я, прикрывая за собой очередную дверь. – Всё как я люблю. Загадки, пустые комнаты и предчувствие неминуемой беды.

Нужно было спускаться. Всё самое интересное, как правило, происходит либо в подвалах, либо на первом этаже, куда удобнее всего заносить тяжёлые ящики. А ящики, судя по всему, были ключом ко всему этому цирку.

Дошёл до лестницы – широкой, каменной, покрытой толстым слоем пыли, на которой, однако, были свежие следы – множество следов сапог. Значит, активно пользовались. Отлично.

Крадучись, словно лис в курятник – если бы лис был циничным типом, вооружённым мечом и имел в голове демона, тоскующего по дому, – я начал спускаться. Каждый шаг

казался громким, как удар молота по наковальне. Но звука не было. Я двигался на носках, прижимаясь к стене, «Жажда» в руке, готовая к любой неожиданности.

Нижний этаж оказался совсем другим миром. Здесь горели факелы, вбитые в железные держатели на стенах, и их колеблющийся свет бросал на стены гигантские, пляшущие тени. Но главное – кристаллы. По всему периметру большого зала, а также рядом с каждым ящиком, стояли странные, продолговатые кристаллы на каменных подставках. Они пульсировали мягким, сиреневым светом, едва слышно гудя. Магические фонари?

Охраны внутри было гораздо меньше, чем снаружи – всего четверо гвардейцев Ордена. Расположились грамотно, держа друг друга в поле зрения.

– Что ж, – подумал я, прижимаясь к арочному проёму. – Если нельзя шуметь, придётся быть тенью.

Я проскользнул к ближайшей группе ящиков у стены. Они были такими, как описывал Сольгрид – деревянные, крепкие, с железными оковками.

Сердце начало отчаянно колотиться, не столько от страха, сколько от предвкушения. Что в них? Оружие? Артефакты? Информация? Ответы, наконец?

Крышка была не прибита, а просто прикрыта – повезло! Осторожно, не задевая пульсирующий кристалл рядом с ящиками, ухватился за край крышки, сделал глубокий вдох, приоткрыл.

И замер...

В ящике лежали камни. Обычные серые булыжники. Те самые, что валяются на любой дороге. Никаких рун, никакой магии, никаких зловещих надписей. Просто камни.

Мой мозг, этот измученный циничный механизм, начал соображать с бешеной скоростью. Камни. Зачем? Вес? Для маскировки? Нет... Приманка. Ловушка.

– Засада... – пронеслось в голове.

Рванул от ящика, но было уже поздно.

Кристалл, стоявший рядом, который до этого пульсировал безобидным сиреневым светом, вдруг вспыхнул ярко-красным. Резким, тревожным, как сигнал тревоги. И издал звук – низкочастотный, пронизывающий гул, который не столько слышался ушами, сколько ощущался костями и зубами. По спине побежали мурашки.

Как по команде, все остальные кристаллы в зале вспыхнули тем же алым светом. Гул умножился, превратившись в оглушительную, физически давящую какофонию. Звук бил по мозгам, спутывал мысли, вызывал тошноту. Казалось, он мог свести с ума даже мёртвого. Что уж говорить о живом, слегка невротичном охотнике?

– Прекрасно, – подумал я, хватаясь за голову. – Магическая сигнализация. И я, как идиот, на неё наступил. Надо было догадаться по антуражу...!

Гвардейцы мгновенно преобразились. Их движения ста-

ли резкими. Они не закричали, не запаниковали. Они просто развернулись в сторону звука и начали сходитьсь, образуя полукруг. С улицы послышался грохот сапог – подкрепление. Много сапог.

– Вот и всё, – холодно констатировала часть моего мозга.
– Представление начинается.

По моей спине скатилась ледяная капля пота. Мозг, этот неуёмный механизм, лихорадочно пытался выдать действенный вариант спасения.

Вариант первый: сражаться. Примерно двадцать гвардейцев Ордена Алого Рассвета, обученных, экипированных, возможно, с магическим оружием. Я один. Даже с «Жадой» и её способностью поглощать энергию... шансы были чуть выше нуля. Героическая смерть в одиночку против двух десятков – это, конечно, эпично, но чертовски неэффективно и очень, очень больно.

Вариант второй: бежать на второй этаж. Отступить к лестнице, забаррикадироваться, попытаться найти другой выход... Но на лестнице уже слышались тяжёлые, быстрые шаги. Оттуда тоже шли. Кольцо сжималось.

– Отлично, – подумал я с отстранённым сарказмом. – Окружение. Классика. Остаётся один вариант...

Вариант третий: бесславная смерть в попытках выбраться. Не самый вдохновляющий, но честный.

Я вышел из-за ящиков на открытое пространство, в середину зала. Прятаться было бессмысленно – они знали, где

я. Гвардейцы, сбегавшиеся со всех сторон – действительно, около двадцати человек – направили на меня своё оружие. Они не бросались в атаку. Хуже, они были дисциплинированы. Образовали вокруг меня широкое кольцо, но остановились метрах в четырёх – пяти, держа дистанцию.

Я стоял, «Жажда» в руке, камень в гарде пульсировал в такт моему учащённому сердцебиению. Странно. Почему не атакуют? Почему не пытаются захватить?

«Хм... – пронеслась мысль. – Цепные псы Ордена замерли как истуканы. Ждут команды?»

– Эй, вы! – крикнул я. – Что замерли? Вам сказали не трогать экспонат до прибытия начальства?

Ответа не последовало. Они не шелохнулись. Только их глаза следили за каждым моим движением. Жутковато.

Дверь, ведущая с улицы в здание, с грохотом распахнулась.

Первой вошла Фелиза. Её руки были связаны перед собой грубой верёвкой. Рыжие волосы растрепались, на щеке под левым глазом красовался начинающий распухать синяк, а из уголка рта сочилась тонкая струйка крови. Но в её разноцветных глазах не было страха – только яростное, неукротимое бешенство. Её тыкали в спину древком алебарды два гвардейца, и она на ходу крыла их отборной, изощрённой бранью, не стесняясь в выражениях. Некоторые обороты были настолько витиеваты, что я слышал их впервые.

За ними вошли ещё четверо гвардейцев. А потом – Мал-Горин. Он был так же бледен и невыразителен, как и раньше, но теперь его лицо искажала холодная, сосредоточенная злоба. Левый рукав, где когда-то была рука, был аккуратно подколот. Он смотрел на меня так, будто оставшейся рукой хотел вырвать моё сердце и съесть его прямо здесь и сейчас.

И наконец – Ребекка.

Вошла последней, неспешно, как хозяйка, входящая в свою гостиную. Строгое чёрное платье, скроенное по последней столичной моде, без излишеств. Тёмные волосы убраны в тугую, безупречный узел. Лицо – то самое: красивое, холодное, высеченное из мрамора, которое когда-то я считал своим спасением, а последнее время видел в кошмарах. И на этом лице была улыбка. Лёгкая, едва заметная. Но от этого – в тысячу раз более противная. Торжествующая. Победоносная. Улыбка кошки, которая не просто поймала мышь, а загнала её в угол и теперь решает, когда закончить игру.

Она остановилась, осмотрела зал, кристаллы, гвардейцев, меня. Её взгляд скользнул по Фелизе с лёгким, презрительным интересом, как к насекомому, которое вот-вот раздавят.

– Александр, – начала она, и её голос, чистый, мелодичный, прозвучал как удар хлыста в тишине. Она произнесла моё имя с язвительной, сладковатой интонацией. – Дорогой мой муженёк. Вот мы и встретились. Как я скучала по нашим... беседам.

Я перевёл взгляд на Фелизу. Она перестала ругаться, встретилась со мной глазами. В них читалась не просьба о помощи, а скорее досада. И извинение.

– Я же говорил тебе, – сказал я тихо, но так, чтобы она слышала. – Без лишнего героизма.

Суккуба потупила взгляд, затем снова посмотрела на меня

– Я не ожидала такой прыти от них, – чуть слышно про-
бормотала она. Голос был хриплым. – И меня... явно ждали.

– Да, знают, – кивнул я. – Они всё знают. Или думают, что знают.

Перевёл внимание на Ребекку. Она наблюдала за нашим коротким обменом словами с тем же выражением холодного любопытства.

– Сбылась твоя мечта? – спросил её, и мой голос прозвучал ровно, без дрожи. – Теперь ты правишь балом? Командуешь гвардейцами, подручными в виде оживших трупов? От меня ты ничего не получишь, сука. Ни кольца, ни меня, ни удовольствия от моего страха.

МалГорин, стоявший рядом с Ребеккой, дёрнулся, сделав шаг вперёд. Его единственная рука сжалась в кулак и по всему телу пробежала странная, волнообразная рябь, будто под кожей шевелилось что-то чужеродное. Он явно жаждал свести счёты за потерянную конечность. Но Ребекка просто подняла руку – тонкую, изящную, в чёрной перчатке. Жест был небрежным, но МалГорин замер, будто наткнувшись на

невидимую стену. Послушно отступил на шаг, но его глаза, полные немой ненависти, не отрывались от меня.

– Смотрю, у тебя появилась собачонка, – не удержался я.
– Выдрессированная. Сидит, лежит, подаёт потерянную ко-
нечность. Только лаять не умеет. Или ты ему язык отрезала
для тишины? – я сплюнул на пол, в сторону Ребекки. Плевков
лёг между нами, маленькое пятно на каменных плитах.

Ребекка даже бровью не повела:

– Убери свой меч, Александр, – холодно произнесла она. –
Тебе не справиться со всеми. И мне не нужна твоя смерть. По
крайней мере, сейчас. На тебя... другие планы. Более мас-
штабные.

Она сделала паузу, давая словам просочиться в сознание.
Потом её взгляд медленно перешёл на суккубу:

– А вот эта маленькая рыжая тварь... она умрёт сегодня.
И у тебя есть выбор.

Почувствовал, как в груди что-то ёкнуло. Холодный, тон-
кий страх. Не за себя.

– Ты можешь убить её сам, – продолжила Ребекка, и
её голос приобрёл отвратительную, слащавую убедитель-
ность. – Быстро. Чисто. Почти милосердно. Даровать быст-
рую смерть тому, кто стал тебе... кем? Союзницей? Другом?
Забавной игрушкой?

По её знаку два гвардейца пихнули Фелизу ко мне, будто
Реб действительно думала, что я стану выполнять её садист-
ские прихоти...

– Или, – Ребекка чуть наклонила голову, – ты можешь смотреть, как её будет убивать МалГорин. Медленно. Сначала он отрежет ей пальцы на руках. Один за другим. Потом... кусочки кожи. Аккуратно. Чтобы она всё чувствовала. Чтобы понимала, за что. За предательство. За кражу. За то, что осмелилась встать на пути тех, кто сильнее.

Бывшая (а как иначе?) жёнушка произнесла это с таким ледяным, бесстрастным презрением, что даже у меня, выдавшего виды, по коже побежали мурашки.

Напарница подняла на меня глаза. В них не было мольбы. Было принятие. И предупреждение. Не делай этого. Не давай им удовольствия. Я посмотрел на неё, потом на Ребекку и на моём лице появилась усмешка. Широкая, циничная, самая искренняя улыбка за весь этот долгий день:

– Не бойся, суккуба, – сказал я Фелизе, глядя прямо в её разноцветные глаза. – Я не стану тебя убивать. Чечилия зря, что ли тратила время и силы, чтобы тебя вылечить? Да и Севандр по голове не погладит.

Фелиза дрогнула. Уголок её рта дёрнулся – то ли в улыбке, то ли в гримасе боли.

– Нет, – повернулся я к Ребекке, и моя улыбка исчезла, сменившись ледяной маской. – Я не стану её убивать. Но и вы её не тронете.

В моих руках «Жажда» начала вибрировать, словно чувствуя приближающееся пиршество. Зелёный камень в гарде

вспыхнул ярче, его пульсация совпала с бешеным ритмом моего сердца. Я чувствовал, как энергия течёт по жилам, наполняя их холодным огнём. Ребекка смотрела на меня и её торжествующее выражение, наконец, сменилось. На лице появилась трещина – лёгкое раздражение, смешанное с презрением и... нет, не злостью. Скорее, с холодным разочарованием. Как будто я испортил ей красивую, продуманную сцену.

– Это твой выбор, ДаркХел! – процедила она и в её голосе впервые зазвучала настоящая, неконтролируемая злость. Острая, как лезвие. – Гвардейцы! – её голос взметнулся, резкий и командный. – Убить суккубу! Охотника взять живым! Можно ранить, но не смертельно!

Замершие гвардейцы «ожили». Кольцо вокруг нас двоих сомкнулось. Алебарды, мечи – всё направилось на нас. Шаг. Ещё шаг. Они двигались синхронно, методично сжимая пространство. Я взглянул на Фелизу. Она смотрела на приближающихся солдат, её связанные руки сжались в кулаки. На её лице не было страха. Только ярость. Готовность.

– Пожалуй, умирать лучше свободным, – сказал я ей и быстрым движением «Жажды» перерезал верёвки на её запястьях.

Та встряхнула кистями, высвободила из-под плаща свой кинжал. Мы встали спиной к спине. Круг из стали и злобы сжимался. Расстояние сокращалось. Оставалось метра три, может меньше.

– Ну что, суккуба, – пробормотал я, принимая боевую

стойку. – Похоже, сегодняшний ужин придётся отложить.

– Я не голодна, – парировала она и в её голосе снова зазвучала знакомая острая нота. – Разве что... на их страх.

В этот момент, когда первый гвардеец уже занёс алебарду для удара, я прочувствовал всю бренность бытия. Весь этот цирк: охота, предательство, демоны, ритуалы. Всё это казалось таким нелепым, таким мелким перед лицом простого, грубого насилия. Перед лицом смерти, которая сейчас приближалась в виде двадцати закалённых воинов.

И тогда, словно в ответ на эту мысль, на моей правой руке вспыхнуло кольцо. «Душа Скверны». Не просто засветилось. Вспыхнуло ослепительным, ядовито-зелёным светом, который на мгновение затмил даже алое свечение кристаллов. По руке, по плечу, по всему телу пробежала волна леденящего жара. И одновременно мою голову пронзила адская боль.

Это была не просто головная боль. Это было ощущение, будто череп раскалывают изнутри долотом. В глазах потемнело, мир поплыл, исказился. Звуки – гул кристаллов, бряцание доспехов, собственное дыхание – отдалились, превратились в глухой, приглушённый грохот. Время замедлилось. Движения гвардейцев стали тягучими, будто в смоле.

И я... провалился.

Не в обморок. Не в забытье.

В пустоту.

Ту самую, зелёную, гудевшую миллионами голосов пусто-

ту. Ту самую арку. И передо мной, в самом центре этого кошмара, снова возникла фигура. Фигура с пустым лицом. Истар.

Но на этот раз он не просто стоял. Он внимательно смотрел на меня. И из той пустоты, где должно было быть лицо, на меня смотрело... понимание. И что-то ещё. Что-то, похожее на... решение.

Сквозь оглушительный гул забвения, я услышал его голос. Не шёпот. Чёткий, ясный, лишённый эмоций, но полный неумолимой силы:

– СЕЙЧАС!

Глава 5

Мир вернулся ко мне ударом обуха по затылку – резко, болезненно и с полным набором тошнотворных ощущений. Последнее, что я помнил – зелёный ад, кольцо стали вокруг нас с Фелизой, и леденящий жар, выжигающий изнутри. А потом... пустота. Но не та благословенная тишина после «Молчальника». Это была активная, агрессивная пустота, которая не просто отсутствовала, а пожирала всё на своём пути.

И посреди этого пожирающего ничто – дымка. Не туман, не пар. Нечто бесформенное, колышущееся, сотканное из самого понятия «отсутствие». Оно не имело лица, не имело контуров, но я знал, кто это. Так же, как знаю, что солнце встаёт на востоке, а политики врут. Инстинктивно, на клеточном уровне.

Истар.

Время вокруг нас – или того, что осталось от реальности, – замерло. Гвардейцы Ордена, занесшие оружие, застыли в немыслимых, почти комичных позах. Ребекка с её ледяной улыбкой превратилась в изысканную статую из яда и высокомерия. Даже пляшущие тени от алых кристаллов застыли на стенах, как мазки сумасшедшего художника. Тишина была абсолютной, давящей, звонкой в своей завершенности.

Дымка пошевелилась. Из неё протянулось нечто, напоми-

нающее руку, но лишённое пальцев, лишь смутный поток намерения. И оно указало. На Фелизу. Она, как и все, была застывшим изваянием, её лицо запечатлело последнюю гримасу ярости и готовности к смерти.

«Открою проход. Забери её. У тебя будет пять секунд. На большее... нет сил»

Голос был не звуком. Это был импульс, вколоченный прямо в сознание. Холодный, без эмоций, но пронизанный странным, металлическим напряжением. Не просьба. Констатация.

Дымка сжалась, будто делая невероятное усилие, и исчезла. Но на её месте воздух затрещал. Не звуком, а самой тканью бытия. Как лёд на озере под тяжестью, которой ему никогда не суждено было выдержать.

Прямо передо мной, в метре от застывшей Фелизы, пространство разорвалось.

Это не было похоже на порталы, что я видел раньше – аккуратные круги сияющей энергии или врата, обвитые магическими рунами. Нет. Это была рана. Грубая, рваная дыра в самой реальности. Края её были чёрными, как угольная сажа, но не твёрдыми – они пульсировали, извивались, будто живая, обугленная плоть. Из глубины дыры лилась тьма, более плотная и завершённая, чем окружающий мрак.

И сквозь эту тьму пробивались всполохи – не вспышки, а именно всполохи – цвета запёкшейся крови. Они не освеща-

ли. Они подчёркивали тьму, делая её ещё более зловещей, оставляя на сетчатке кровавые послеобразы. Оттуда тянуло запахом пепла и... одиночества. Бесконечного, всепоглощающего одиночества.

Пять секунд. Может, меньше.

Мой мозг, этот закалённый в дерьме и цинизме механизм, сработал на чистом адреналине. Я не думал. Просто рванулся. Отпустил «Жажду» – меч исчез в привычном ему небытии. Руки, ещё дрожащие от остаточного жара кольца, схватили Фелизу. Она была неожиданно лёгкой. Прижал её к себе, и более не раздумывая, шагнул в эту чёрно-красную пасть.

Мир перевернулся. Вернее, он перестал быть миром. Это было падение сквозь слои небытия. Не было ощущения движения – было ощущение, что всё вокруг меня стирается. Краски, звуки, запахи, само понятие «верх» и «низ». Осталось только давление – чудовищное, со всех сторон, будто меня пропускали через чересчур узкую мясорубку вселенной. В ушах – вернее, в том, что их заменяло, – завывал не звук, а сама пустота. В глазах мелькали те самые кровавые всполохи, выхватывая из небытия обрывки кошмаров: бледные лица в зелёном свете, арку из изумрудного пламени, пустое лицо Истара...

И так же резко, как началось, всё закончилось.

Меня выплюнуло. Буквально. Я почувствовал под ногами твёрдую поверхность – неровный камень – и, не удержав рав-

новесия, рухнул на колени, всё ещё сжимая в оцепеневших руках Фелизу. Воздух ударил в лёгкие – холодный, сырой, пахнувший травами, лесом и... безопасностью. Относительной, хлипкой, но такой сладкой в тот момент.

Я поднял голову, отплёвываясь от вкуса пепла на губах. Мы были в лесочке у подножия скалы, где находилось наше убежище. Наш жалкий, тщательно спрятанный кусочек относительного покоя в этом безумном мире.

– Фу-у-х... – вырвалось у меня хриплым, надтреснутым звуком.

Суккуба в моих руках дёрнулась. Сначала слабо, потом сильнее. Её веки затрепетали, и она резко открыла глаза. Один серый, один зелёный. Полные такого дикого, животного непонимания, что мне стало почти смешно. Почти.

Она вырвалась из моих рук не как испуганная девица, а как пойманный дикий зверь – резко, отталкиваясь и приземлилась в низкой боевой стойке, кинжал уже сверкал в её руке. Её взгляд метнулся по сторонам, сканируя угрозы.

– Где мы? – её голос был хриплым от напряжения, но твёрдым. – Что... – она замолчала, узнав местность. Её глаза расширились.

– Подожди. Это же... наше убежище. Но как... Александр, как мы сюда попали? – в её тоне смешались шок, раздражение и тень той самой животной ярости, что была у неё перед застывшим кругом гвардейцев.

Медленно, со стонами, которые я тщательно пытался подавить, поднялся на ноги. Каждая мышца кричала о своей отдельной, персональной агонии.

– Портал, – произнёс я, вытирая грязным рукавом лицо. Сказал это так же буднично, как мог бы сказать «перекусил» или «потерял носок».

Фелиза уставилась на меня, будто я только что объявил, что луна сделана из головки сыра.

– Портал, – повторила она без интонации. – Портал. Просто взял и открылся в самый нужный момент. Посреди зала, полного солдат Ордена. Удобно. Не находишь? – сарказм в её голосе был густым, как дёготь. – Но кто его открыл, Александр? Как это вообще возможно? Я помню всё! Кольцо вокруг нас, кристаллы, Ребекку... Мы готовились к последнему бою! Мгновение – мы уже здесь! Это какая-то чёрная магия, которую ты от меня скрывал? Или у тебя в кармане припасён ручной бог, специально для таких случаев?

Она подошла ко мне вплотную. От неё пахло дымом, кровью и её собственным, едва уловимым, терпким ароматом и смесью чего-то опасного. Разноцветные глаза буквально сверлили меня.

– Фелиза, давай я позже всё объясню. В присутствии Чечилии и Севандра. Они, наверное, уже поседели от волнения. А нам ещё карабкаться вверх...

– Ладно, пошли.

– Почти на месте, уфф, – тяжело выдохнул я, чувствуя, как

последние силы покидают меня. Горизонт начал крениться, тёмные пятна поплыли перед глазами, сливаясь в одну сплошную, бархатную тьму. Я почувствовал, как колени подкашиваются, как неотвратимо заваливаюсь назад. Мир совершил грациозный кульбит: горизонт уплыл куда-то вниз. Последнее, что я видел – лицо Фелизы, на котором сарказм сменился на мгновение чем-то другим. Широко раскрытые глаза. Рот, приоткрытый не для колкости. И её руку, резко протянутую вперёд, будто пытающуюся меня поймать.

– Алекса... – донесся до меня обрывок её голоса, уже из-за толстой стены наступающей темноты.

Потом – ничего...

Меня выдернуло из небытия не светом и не звуком. Запахом. Он ворвался в носоглотку с настырностью пьяного матроса в таверну – резкий, химический, отвратительно сладковатый с горьким послевкусием. Пахло так, будто в одной склянке сварили гниющую ежевику и потную ногу гоблина. Мои лёгкие сжались в протестующем спазме, и я закашлялся, продирая глаза.

Передо мной стояли три фигуры. Три знакомых лица, склонившиеся надо мной с таким выражением, будто наблюдали не за человеком, а за редким и потенциально смертоносным грибом, который только что плюнул в них спорами.

Слева – Чечилия. Её глаза были красными и опухшими, на щеках – следы высохших слёз. Но сейчас в них горел не

страх, а безумная, облегчённая радость, смешанная с остатками ужаса.

Справа – Севандр. Его учёное спокойствие дало трещину. Волосы торчали в разные стороны, на халате виднелись свежие пятна непонятного происхождения. Он держал в руках пустую склянку, из горлышка которой ещё струился лёгкий, едкий дымок.

И прямо передо мной, скрестив руки на груди, стояла Фелиза. Её лицо было каменной маской. Ни язвительной усмешки, ни огня в глазах. Только пристальный тяжёлый взгляд, изучающий меня с ног до головы, будто проверяя, цел ли я и не заменили ли по дороге злобным двойником?

Слава богам, на этот раз меня не привязали к стулу. Я лежал на кровати в «своей» комнате. Вокруг... соратники. Мир, в общем, не перевернулся. Это уже радовало.

– Ты... Александр... – начала Чечилия, и её голос дрогнул. – Ты всех напугал. Мы думали, что Истар снова завладел тобой! Что он вырвался и... – она не договорила, снова поднеся тряпку к глазам.

Севандр тяжело выдохнул, поставил склянку на тумбочку и похлопал меня по плечу. Жест был неловким, но в нём читалось искреннее облегчение.

– Рад, что вы, в общем-то, целы. Оба. Хотя вид у вас, – он окинул нас с Фелизой критическим взглядом, – как у пары дворняг, побывавших в центре урагана, а потом проползших через канализацию. Фелиза нам в общих чертах рассказала,

что случилось. Но она также упомянула, – он прищурился, – что ты должен кое-что объяснить. Особенно касательно... метода вашего возвращения.

Я перевёл взгляд на суккубу. Она молчала, не двигаясь. Её лицо по-прежнему не выражало ничего. Но в этой самой бесстрастности читалось больше вопросов, чем в любом крике.

– Ну, раз уж Фелиза сказала, что должен объяснить, значит, объясню, – прохрипел я, пытаюсь сесть. Мир снова поплыл, но на этот раз устоял.

– Но для начала, хотелось бы что-то выпить. Крепкого. Чтобы нервы успокоить и язык развязать. Или наоборот – чтобы забыть, что вообще нужно что-то объяснять, – я начал подниматься, но Чечилия мягко, но настойчиво прижала меня к кровати.

Севандр ухмыльнулся:

– Она за тобой как наседка последний час ухаживала. Лучше не перечь. А то ещё «Настойку Материнской Заботы» в тебя вольёт. Гарантирую – последствия будут страшнее любого боя.

– Охотник, ты становишься всё более предсказуем, – раздался голос Фелизы. Наконец-то в нём появились острые нотки. Она подошла к столику, где уже стояли кубки и кувшин. – Всё уже готово. Так что давай, располагайся поудобнее и начинай рассказывать. Все ждут. Особенно я. Мне очень интересно услышать, как мы научились пользоваться порталами.

Взял в руки поданный Чечилией кубок – массивный, старый, поцарапанный. Сделал большой глоток. Жидкость обожгла горло, разлилась по желудку волной благодатного тепла, а потом ударила в голову, заставляя мысли проясняться и выстраиваться в связную, хотя и совершенно безумную, цепочку.

– Ладно, – начал я, отставив кубок. – С самого начала. После того как ты, Фелиза, отвлекла стражу, я проник внутрь...

Подробно описал всё. Зброшенные комнаты, ящики с булыжниками, магические кристаллы-сигнализацию. Рассказал про окружение, про появление Ребекки и МалГорина, про «милосердное» предложение жёнушки убить Фелизу самому. Не упустил ни одной детали, зная, что Севандр вытащит из любого пропущенного слова целую теорию. Чечилия слушала, зажав руки у рта, её глаза снова наполнялись слезами. Суккуба сидела неподвижно, лишь рука время от времени сжималась в кулак, когда я упоминал Ребекку.

– А дальше... – сделал ещё один немаленький глоток. – Дальше случилось то, чего я никак не ожидал. Кольцо... «Душа Скверны»... оно не просто вспыхнуло. Оно взорвалось изнутри. Боль, зелёный свет, и я снова провалился в ту пустоту. Там был он. Истар. В виде дымки. Безликой. Но это был он. И он сказал, что откроет проход. На пять секунд. И велел забрать тебя, – я посмотрел на Фелизу.

Она не отводила взгляда, но в её глазах теперь бушевала

буря. Непонимание. Недоверие. И что-то ещё... смущение? Страх?

– И он открыл. Не портал, как мы их понимаем. Это была... дыра. Рваная рана в реальности. Чёрная, с кровавыми всполохами. Я схватил Фелизу и прыгнул. Ощущения были... незабываемые. А потом нас выплюнуло у подножия скалы.

Я закончил. В зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только гудением защитных механизмов и чего то ещё. Знахарка смотрела на меня, будто я только что рассказал ей сказку о летающих свиньях, но слишком серьёзным тоном. Севандр уставился в пространство перед собой, его пальцы бессознательно выстукивали на столе сложный ритм. Фелиза опустила взгляд в свой недопитый кубок.

Первым очнулся Севандр. Его пытливый ум, как жернова, начал перемалывать полученную информацию, смешивая её с уже имеющимся багажом безумных знаний.

– Значит, говоришь, видел дымку... материальную, но без формы. И это был Истар... – он бормотал себе под нос. – Очень, очень интересно... Выходит, его связь с тобой не только ментальная. Он может проецировать часть своего... «я»? Своей воли? В нашу реальность. На короткое время. И затрачивает на это колоссальную энергию... «Пяти секунд хватит... сил нет...» – он процитировал мои слова, кивая. – Хм... Любопытно. Это меняет всю картину его заточения.

Он не просто заперт. Он... ослаблен. Ограничен. Но способен на рывок. При определённых условиях...

Его рассуждения вслух прервала Фелиза. Она подняла голову, и её вопрос прозвучал тихо, но с металлической твёрдостью:

– Почему я?

Мы все посмотрели на неё.

– Почему он так... «позаботился» обо мне? – она произнесла это слово с такой язвительностью, что оно обожгло воздух и слух. – Он – Демон Забвения. Пожиратель памяти. Его цель – поглотить Александра, стереть его, стать им. Зачем ему спасать меня? Суккубу. Чужую для него. Ничтожную. – В её голосе прозвучала не только злость, но и горькое, глубокое недоумение. Вопрос, повисший в воздухе, был больше, чем просто вопрос. Он касался самой её сути, её места в этой безумной истории.

Чечилия, до этого молчавшая, вдруг тихо сказала:

– А что если... спросить у него самого?

Все взгляды устремились на неё. Она покраснела, но продолжила, набираясь смелости:

– Мы же теперь знаем, что он может... контактировать. Немного. Ненадолго. Может, если создать условия... безопасные... попытаться поговорить? Спросить напрямую: почему Фелиза? Что она для него значит?

Её идея повисла в воздухе – гениальная в своей простоте и абсолютно безумная в исполнении. Диалог с демоном За-

бвения. Чаепитие с пожирателем душ.

Севандр медленно повернул голову сначала ко мне, потом к ней, и в его глазах зажёгся тот самый, ненасытный огонь научного азарта:

– Пожалуй... ты права, Чечилия, – произнёс он, и его голос зазвучал задумчиво, но с явным подъёмом. – Пассивное наблюдение и теории – это хорошо. Но прямой контакт... контролируемый, подготовленный... это может дать ответы. На многие вопросы. И не только о Фелизе. О его природе. О его истинных целях. О том, как его... – он запнулся, – ...либо изгнать наверняка, либо... понять.

Он снова перевёл свой взгляд, наполненный этим учёным, безжалостным интересом, на меня.

Я всё понял. Ещё до того, как он открыл рот.

– О, нет! – воскликнул я, допивая свой кубок до дна. – В этот раз – чур! Никаких кожаных ремней. Никаких пыточных кресел. И уж точно никаких грибов, вызывающих экзистенциальный ужас. Прежде чем вы начнёте ставить на мне свои безумные алхимические опыты, требую выполнить три условия.

– Какие? – спросила Фелиза, в её голосе снова появился лёгкий, знакомый вызов.

– Первое, – поднял палец. – Я хочу помыться. Тщательно. Со скребком и едким щёлоком, чтобы снять с себя не только грязь Джурджу, но и, кажется, несколько слоёв кармы.

– Второе. Я хочу поесть. Не ту волшебную похлёбку из «Утолителя», а что-то настоящее. Мясо. Хлеб. Много.

– И третье, – поднял последний палец, глядя в упор на Севандра. – Я хочу выспаться. Минимум шесть часов. Без кошмаров, без зелёных арок и без ощущения, что меня кто-то пожирает изнутри. После этого... мы можем поговорить о вашем садистском желании устроить мне разговор с древним злом.

Оглядел компашку. Блеск азарта – разный у каждого – всё ещё читался в их глазах. У Чечилии – тревожный, но решительный. У Севандра – холодный, аналитический, жаждущий знаний любой ценой. У Фелизы в глазах была сложная смесь: остатки шока, тень страха перед неизвестным, и... любопытство. Живое, почти человеческое любопытство к тому, какое же, чёрт возьми, место она занимает в планах демона.

– Договорились? – спросил я.

Севандр вздохнул, но кивнул:

– Договорились. Шесть часов. Но потом, Александр... потом мы должны будем попытаться. Пока связь свежа. Пока Истар проявил активность. Это может быть наш шанс.

– Или нашей гибелью, – мрачно добавил я, вставая. Мои ноги на этот раз держали тело более уверенно. – Но что поделать. Гибель сегодня, гибель завтра... Главное – выбрать интересную. А беседа с воплощённым забвением – определённо попадает в категорию «интересных».

Направился к уборной, оставляя за спиной троих своих...

кого? Союзников? Друзей? Собеседников по дороге в ад? Неважно. Сейчас мне была нужна только горячая вода, еда и несколько часов животного сна. Всё остальное – даже зелёные арки, демон и вопросы без ответов – могло подождать.

По крайней мере, на шесть часов.

Глава 6

Ребекка

Поместье Старых Ветров пахло тленом и безумием. Воздух был плотным, как бульон из забытых кошмаров, и каждый мой вдох казался оскорблением, нанесённым моим собственным лёгким. Но я шла по этой гниющей тропе от арки перехода к усадьбе с прямой спиной и высоко поднятой головой. Как и подобает тому, кто держит в руках нити судеб, даже если эти нити оказались слегка... перепачканы дерьмом.

Внутри меня кипела лава. Холодная, отточенная, но от этого не менее яростная. Я методично, как счетовод, сводящий баланс после краха империи, прокручивала в голове события последних часов.

Всё было идеально. Всё было рассчитано до мелочей. Ловушка – примитивная, но эффективная. Ящики с булыжниками, кристаллы – сигнализация, дисциплинированные гвардейцы. Он должен был быть там, как крыса в капкане. И он был. Я видела его глаза. Видела эту смесь ярости, цинизма и... усталости. Прекрасное сочетание. Я ждала этого момента. Ждала, когда он поймёт, что проиграл. Когда его защитная стена сарказма даст трещину.

И эта тварь. Рыжая суккуба. Её связанные руки, её вызов в глазах. Я дала ему выбор. Великодушный жест. Убить её самому – быстро, чисто. Или наблюдать, как МалГорин пре-

вратит её в кровавое месиво. Это был идеальный психологический удар. Разрушить последние намёки на его жалкие привязанности. Заставить его совершить предательство или сломаться, наблюдая за муками.

И что же?

И что же, чёрт возьми, произошло?

Шаги мои по скрипучей, полуистлевшей дорожке стали резче. Костяная ручка моего зонтика впивалась в ладонь.

Одно мгновение. Одно проклятое мгновение. Кольцо на его руке вспыхнуло не просто зелёным светом – оно извергло целую бурю энергии. Не ту, что я ожидала. Не ту, что описана в гримуарах Владия. Это было что-то... иное. Древнее. Пустое. И в следующее мгновение они оба – он и эта шлюха – просто... растворились в воздухе. Не телепортировались по известным каналам. Не убежали через потайную дверь. Их стерли из реальности, оставив после себя лишь привкус всепоглощающей пустоты.

Кто? КТО осмелился? Кто обладал силой, о которой я не знала? Кто встал на пути моих безупречно выстроенных планов?

Мой разум, острый как бритва и холодный как лёд, лихорадочно перебирал варианты.

Орден? Предатели из фракции Вальдемара? Сомнительно. У них не хватило бы ни смелости, ни ресурсов.

Значит... он сам. Александр. Проклятый, ненавистный Александр! Он что-то скрывал. Всегда скрывал. За своей

маской циничного охотника, за своей амнезией. Он выучил новый фокус. Какой-то древний артефакт, о котором не знала даже я. Как он смел! Как он смел иметь что-то, чего нет у меня!

Ощутила прилив такой чистой, концентрированной ярости, что мир вокруг на мгновение покраснел. Не метафорически. Буквально. Тлен и серая гниль Поместья окрасились в багровые тона. Это был мой гнев, прорывающийся сквозь железный самоконтроль. Я остановилась, сделала глубокий, выверенный вдох. Воздух, пахнувший разложением, успокаивал. Напоминал, что всё сущее в конце концов приходит к этому. В том числе и наглый охотник с украденными у судьбы козырями.

Хорошо, Александр. Хорошо. Ты выиграл раунд. Но не войну. Ты всего лишь отсрочил неизбежное. И сделал свою будущую смерть... интереснее.

С этим ледяным утешением я вошла в усадьбу.

Бальный зал был тем же кошмаром из призрачного свечения, что и всегда. Но сейчас в его центре происходило нечто новое. Графиня Габриэлла фон Гельгор – существо, давно переставшее быть человеком, а теперь переставшее быть и чем-либо внятным – кружила в медленном, нелепом вальсе посреди зала. Но это не был танец. Это было строительство.

Её изуродованные, полуразложившиеся конечности, больше похожие на скрюченные корни, двигались с неесте-

ственной, жутковатой точностью. Она не касалась предметов. Она лепила их из воздуха, из тьмы, из самого отчаяния, витавшего в этом Междумирье. Камни странного, мерцающего обсидиана сами подплывали к месту и укладывались в основание нового алтаря. Он был выше предыдущего. Сложнее. На его покатых гранях уже проступали вырезанные самим мраком руны, которые заставляли глаза слезиться, а разум – сжиматься в комок первобытного страха.

Подошла к ней, отбросив всякие прелюдии. Церемонии с этим гниющим пережитком прошлого были пустой тратой времени:

– Ты, – мой голос разрезал гулкую тишину зала, холодный и резкий, как удар стеклом по горлу. – Жалкое гниющее подобие жизни. Беспольный сосуд для амбиций, которые ты не смогла реализовать даже с помощью демонов.

Графиня не обернулась. Её спина, покрытая лохмотьями когда-то роскошного платья, всё так же оставалась повёрнута ко мне.

– Почему ты не предупредила меня? – продолжила я, и каждая фраза была отточенным клинком. – Почему в твоих гримуарах, в твоих жалких бормотаниях о прошлом, не было ни слова о том, что ДаркХелу кто-то помогает? Что он обладает артефактом или силой, способной разрывать реальность? Или твой прогнивший мозг уже не способен отличить важное от воспоминаний о том, как ты когда-то носила красивые платья?

Она медленно, с противным хрустом, повернулась. То, что должно было быть её лицом, было маской из ссохшейся кожи, стянутой на костях, с горящими в глубоких глазницах красными точками. И на этом кошмарном подобии лица проползла усмешка. Широкая, растянутая, полная такой древней, испорченной иронии, что по моей коже пробежали мурашки – не от страха, а от оскорблённой гордости.

– Что, дорогая моя? – её голос был шелестом сухих листьев по могильной плите, вкрадчивым и ядовитым. – Не по зубам оказался твой бывший муженёк? Но как же? Ты же так уверенно рассказывала мне о своём плане. Так свысока смотрела на мои «устаревшие» методы. «Я всё просчитала, Габриэлла», – передразнила она мой тон, и её шелестящий смешок наполнил зал. – «Мне не нужны советы разлагающегося неудачника». Твои слова, милая. Твои.

Я почувствовала, как ярость, которую едва сдерживала, рвётся наружу. Она была чёрной и липкой, как дёготь. Но я не позволила ей затмить свой разум. Вместо этого сконцентрировала её в острый ледяной штык.

– Твой слуга, – прошипела я, сделав шаг вперёд. Моя тень, отброшенная призрачным светом, легла на её уродливую фигуру. – Этот... МалГорин. Оказался бесполезнее, чем трость умирающего старика. Он позволил им уйти. Он – прямое отражение твоей собственной некомпетентности!

– И ты... – я сделала ещё шаг, и теперь мы стояли почти лицом к лицу. От неё пахло сырой землей, могильным холо-

дом и безумием, – ты, Габриэлла, ответишь за мой провал. Ты утаила информацию. Ты, со своими столетними знаниями, оказалась слепым щенком. И за это заплатишь. Не сейчас. Но когда Истарот будет призван, когда его сила хлынет в этот мир... помни, кому ты будешь обязана своим... существованием. И кому будешь обязана вечной службой.

Ждала ответа. Вспышки гнева. Оправданий. Угроз.

Но Графиня лишь ещё шире усмехнулась своим безгубым ртом. Красные огоньки в её глазницах мерцали с каким-то странным, почти... сочувственным презрением.

– О, Ребекка... – прошелестела она. – Ты так боишься оказаться не самой умной здесь. Так цепляешься за иллюзию контроля. Он сильнее, чем ты думаешь. Глубже. И ему помогает не кто-то. Ему помогает оно. То, что сидит в его кольце. То, что ты так жаждешь использовать. Оно просыпается. И у него... свои планы.

С этими словами она медленно, с тем же противным хрустом, повернулась обратно к своему алтарю и протянула корявую руку. Камень, висевший в воздухе, послушно поплыл к месту. Она продолжила строительство, будто я уже испарилась.

Это игнорирование было хуже любой брани. Оно ставило меня на один уровень с пылью на её гниющих портьерах. Кровь ударила в виски. Рука с зонтиком дрогнула. Мне хотелось вонзить его острый наконечник в этот горб искривлён-

ных позвонков, разорвать её на куски...

Но нет. Это был бы жест отчаяния. Жест той самой «обычной» женщины, которой никогда не позволю себе быть!

Я развернулась. Каблуки моих сапог отчётливо стучали по каменному полу, нарушая гнетущую тишину. Каждый шаг был декларацией: я ухожу не потому, что проиграла, а потому, что у меня есть более важные дела.

— Время, потраченное на этот фарс, истекло, — произнесла я, не оборачиваясь, но достаточно громко, чтобы она услышала. — Готовься к кульминации. Я отдаю приказ. Через два дня, в храме Святого Элигия, состоится бал.

Услышала, как за моей спиной прекратилось шелестение камней:

— Бал? — слышался её шелестящий, полный недоверия голос.

— Бал, — подтвердила я, останавливаясь у огромных чёрных дверей зала. — Приглашения будут разосланы всем, кто ещё сохраняет власть в этом городе. Всем лордам, купцам, старшинам гильдий, у кого есть хоть капля влияния или золота. Орден обеспечит безопасность и... убедительность приглашений. Ты же, — я обернулась, бросив на неё взгляд, полный ледяного презрения, — подготовишь всё для ритуала. Не здесь, в твоём вонючем склепе. В самом сердце города. В месте, которое считается святым. Ирония придаст символизма. И силу. На этот раз призыв пройдёт иначе. Публично. Величественно. Он станет не актом отчаяния загнанной

в угол твари, а... триумфом. Нашим триумфом.

Графиня молчала. Её красные глазницы были прикованы ко мне:

– И как ты заманишь его туда? – наконец спросила она. – Твой хитрый охотник не придёт на светский раут.

Уголок моего рта дрогнул в холодной, безрадостной улыбке.

В зале воцарилась тишина. Даже призрачный свет, казалось, притих. Потом Графиня медленно кивнула. Жест был полон того самого древнего, испорченного уважения, которого я и добивалась.

– Смотри, чтобы всё было идеально, – бросила я последнее предупреждение. – На этот раз провалу не быть. Иначе то небольшое, что осталось от твоего «я», развею по ветрам этого вашего... Междумирья. Лично.

Не дожидаясь ответа, я вышла из зала, оставив её среди её камней и безумия. Мои шаги по коридорам усадьбы были быстрыми и чёткими. В голове уже строились новые планы, составлялись списки, распределялись роли. Провал в городском особняке был досадной помехой, не более. Щелчком по носу. Но даже щелчок должен быть оплачен кровью.

Выйдя из усадьбы на тропу, ведущую к арке перехода, я позволила себе на мгновение остановиться и оглядеть это царство гниения. Мой взгляд упал на арку.

«Пусть тебе и удалось сегодня скрыться, Александр, –

пронеслась мысль, холодная и сладостная, как ледяное лезвие. – Пусть даже какой-то древний ужас из твоего кольца протянул тебе лапу помощи. Но ты не сможешь бегать вечно.

Весь город будет охотиться на тебя, – продолжила я мысленно. – Не только мои гвардейцы. Каждый алчный обыватель, каждый нищий, мечтающий о награде. Каждый, кто захочет выслужиться перед новой властью. Ты и твоя жалкая банда уродцев станете дичью. И кульминацией этой охоты станет бал. Твой последний танец»

На моих губах расцвела настоящая, широкая улыбка. Не та, холодная и расчётливая маска, которую я носила перед Графиней. А улыбка истинного, глубокого удовольствия. Ощущение было знакомым и пьянящим – чувство, когда ты управляешь судьбами людей, как кукловод через лески. Когда от одного твоего слова зависит, кому жить, а кому – стать развлечением для толпы.

Я снова ощутила свою силу. Своё превосходство. Этот мелкий эпизод с побегом ничего не изменил. Он лишь добавил пикантности. Сделал предстоящую победу ещё слаще.

С высоко поднятой головой, с лёгкостью в сердце, от которой даже воздух Междумирья казался чуть менее отвратительным, продолжила путь к арке. Впереди было много работы: отдать распоряжения в храме, разослать приглашения. И, конечно, проследить, чтобы никто – включая ненавистного муженька – не испортил мой прекрасный, идеальный бал.

Ведь я – Ребекка. И я не прощаю ошибок. Ни чужих. Ни,

тем более, своих. А значит, всё должно быть безупречно!

Глава 7

Чечилия

В убежище воцарилась странная зыбкая тишина. Не та, что была раньше, а усталая, выдохшаяся. Как после долгой болезни, когда кризис миновал, но слабость осталась, напоминая о себе каждым движением. Александр, бледный и молчаливый, словно призрак самого себя, отправился в свою комнату, бормоча что-то невнятное про «шесть часов, ни минутой меньше». Фелиза скрылась за своей дверью без единого язвительного комментария – что было тревожнее любой её колкости. Они походили на двух раненых зверей, зализывающих раны в тёмных норах, стараясь не показать друг другу, насколько им больно.

А мы с Севандром остались в главном зале. Наша война была другого рода – не с мечами и кинжалами, а со знаниями, реактивами и непредсказуемой магией древних артефактов. После бурного обсуждения плана «контролируемого контакта» с Истаром, который повис в воздухе неизбежным решением, наступило время подготовки. Время алхимии.

Пока они спали, мы работали. Воздух в зале пропитывался новыми запахами – не едкого дыма и страха, а терпкого аромата сушёных корений, сладковатой горечи цветов пустынного и непонятного привкуса измельчённых кристаллов. Я стала центром этого тихого, методичного хаоса. Мои

руки, привыкшие к более приземлённым снадобьям – отварам от лихорадки, мазям для ран, теперь дрожали над склянками с субстанциями, которые прабабка в своих записях называла «соками мира» и «плотью теней».

«Настойка Якоря Сознания» – чтобы дух не уплыл слишком далеко в царство Истара. «Отвар Прозрачных Границ» – чтобы создать тонкую, но прочную мембрану между разумом Александра и вторгающейся сущностью. «Эликсир Вспышки Воспоминания» – самый опасный, его нужно было готовить в последнюю очередь, подвешивая кристалл-катализатор над кипящим фиолетовым бульоном. Он должен был заставить память Александра ярко вспыхнуть, стать маяком в зелёной пустоте, но и мог привлечь к себе всё внимание Истара, как мотылька – пламя свечи.

Я работала машинально, погружённая в ритм: измельчить, отмерить, смешать, нагреть до нужного цвета. Мои мысли были заняты списком ингредиентов, температурными режимами, цветами дыма, поднимающегося из реторт. Это был знакомый, почти успокаивающий ритуал. Здесь, среди колб и ступок, я всё ещё была Чечилией – знахаркой, ученицей, женщиной, которая может хоть что-то контролировать в этом безумном мире. Здесь не было места воспоминаниям о переулках, полных крови.

Севандр же погрузился в другую задачу. На отдельном, тщательно очищенном столе лежал разобранный посох Мал-

Горина. Инженер – алхимик, похожий на взъерошенную, помешанную на порядке сову, склонился над его частями. Он не касался их голыми руками – использовал длинные щипцы из серебра и обсидиана, а также пинцеты, покрытые странными рунами. Его бормотание было непрерывным потоком: сравнения с гримуарами, цитаты на мёртвых языках, проклятия, когда текст оказывался испорченным временем или намеренно искажённым.

– Интересно... очень интересно, – доносилось до меня. – Смотри, Чечилия, насечки на древке. Это не просто украшение. Это карта. Карта энергетических потоков Междумирья. Но зачем она на посохе воина? Если, конечно, это просто воин... А эти вставки похожи на сгустки закристаллизованной душевной боли. Прекрасный изоляционный материал, между прочим. И ужасно неэтичный. Как раз в духе нашей милой графини.

Я лишь кивала, сосредоточившись на котле, где жидкость медленно меняла цвет с кроваво-красного на глубокий индиго. Но любопытство – тот самый зверёк, что когда-то заставил меня копать в запретных архивах прабабки – начало шевелиться у меня внутри. Основная работа была сделана, зелья настаивались, требуя только времени. А на столе у Севандра лежала разгадка к одной из многих тайн, что опутали нас.

Моё внимание привлек кристалл. Тот самый, что венчал наверху посоха, сияя холодом. Теперь он лежал в стороне,

на куске чёрного бархата, будто изолированный от остальных частей. Он был меньше, чем я ожидала, но совершенной, идеальной формы. Внутри него клубилась сама тьма. Не чёрный цвет, а именно отсутствие цвета, поглощающее взгляд. Время от времени в его глубине пробегала слабая, сиреневая искра, словно далёкая молния в ночной буре.

Оторвалась от своего котла, вытерла руки о передник и подошла к столу алхимика:

– Севандр, – тихо спросила я, чтобы не нарушить его сосредоточенность. – А что это за кристалл? Для чего он нужен? В посохе, имею в виду.

Он, не отрываясь от сравнения двух пожелтевших манускриптов, буркнул:

– Фокус. Концентратор. Берёт рассеянную энергию Междумирья, сжимает её до состояния боевого заклинания. Прimitивно, но эффективно. Похож на демонические артефакты четвёртой эпохи, но с примесью... чего-то ещё. Не могу пока определить. Не трогай его, дитя. Он...

Однако его предупреждение запоздало. Моя рука, движимая тем же неосознанным любопытством, что заставляло меня собирать незнакомые травы в лесу, уже протянулась и взяла кристалл.

И мир перевернулся...

Первым ощущением был холод. Но не такой, как от прикосновения ко льду. Холод изнанки бытия. Холод пустоты,

которая была до рождения звёзд и которая будет после их смерти. Он ворвался в меня не через кожу, а сквозь неё, минуя все физические барьеры, как будто моя плоть была лишь иллюзией, дымкой перед лицом настоящей реальности – реальности абсолютного ничто.

Он пробежал по руке, впиваясь в кости, замораживая сухожилия. Моя кисть сжалась вокруг кристалла в судорожном спазме, но я не чувствовала ни формы камня, ни давления пальцев. Я чувствовала только этот всепоглощающий холод, который пожирал ощущения одно за другим. Звуки из лаборатории – бормотание Севандра, потрескивание огня под котлом – отдалились, превратились в глухой, бессмысленный гул, будто доносящийся из-за толстой стеклянной стены.

«Отпусти, – закричала во мне часть разума, ещё не поражённая холодом. – Отпусти, Чечилия, сейчас же!»

Но я не могла. Моя рука перестала быть моей. Стала куском окаменевшего мяса, сросшегося с кристаллом. Холод поднимался выше, к локтю, к плечу. Он не просто замораживал – он стирал. Ощущение собственного тела, границы между «я» и «не я» расплывались. Мысли, ещё секунду назад ясные и чёткие, начали путаться, налетать друг на друга, как осенние листья в вихре. Обрывки воспоминаний, случайные образы, голоса из прошлого – всё это смешалось в хаотичный, бессмысленный вихрь, который холод методично замораживал, превращая в единую, тяжёлую, безжизнен-

ную глыбу.

Видела, как моя свободная рука бессильно потянулась вперёд, как будто пытаюсь ухватиться за что-то в воздухе. Я видела, как лицо Севандра, наконец оторвавшего взгляд от книг, исказилось ужасом и пониманием. Его рот что-то кричал, но до меня долетали только обрывки:

– Нет! Чечилия! Кристалл... это... ловушка... для сознания!

Его слова уже не имели значения. Холод добрался до моего нутра. До того места, где живёт страх, надежда, любовь, память. До души. И начал замораживать и её.

Последнее, что я почувствовала перед тем, как сознание погасло, это толчок в грудь, когда мои ноги подкосились, и я, всё ещё сжимая проклятый кристалл, рухнула на каменный пол. Звук падения не долетел до меня. Только нарастающий, оглушительный рёв абсолютной тишины и холода.

Я очнулась.

И тут же возненавидела себя за это.

Потому что снова была там. В том переулке. Тот же запах – гниющих овощей с рынка, дешёвого вина и свежей крови. Те же звуки – хриплые крики мужчин, металлический лязг, сдавленный плач. Я была маленькой, такой маленькой, что мусорные кучи казались горами, а лужи крови – целыми озёрами.

Я видела их. Маму. Папу. Они стояли спиной ко мне, за-

слоняя меня своими телами от троих грубых, ухмыляющихся мужчин в потрёпанной коже. Я не помнила их лиц. Но сейчас они были передо мной в мельчайших, ужасающих деталях: шрам через бровь у одного, кривые жёлтые зубы у другого, татуировка в виде змеи на шее у третьего.

– Забирайте деньги и уходите, – сказал папа. Его голос дрожал, но он старался звучать твёрдо.

В ответ – грубый смех. И первый удар. Не мечом. Кулаком в живот. Папа согнулся, закашлялся. Мама вскрикнула, бросилась вперёд. Её оттолкнули, она ударилась головой о стену и затихла.

– Мама! – закричала я, но из моей детской груди вырвался лишь тонкий, слабый писк.

Один из мужчин повернул голову. Его маленькие свинные глаза, нашли меня в темноте:

– О, смотрите, крысёнок. Добить, что ли?

И всё повторилось. Я видела, как заносят нож. Видела, как падает папа. Видела, как мама, придя в себя, ползёт к нему, и как её бьют сапогом по голове. Я видела это уже тысячу раз в своих кошмарах. Но сейчас это было гораздо реальнее, словно наяву. Я чувствовала запах их пота, слышала каждый хрип, каждое хлюпанье крови. И не могла пошевелиться. Не могла закрыть глаза. Я была прикована к этому спектаклю, вечным зрителем в первом ряду собственного ада.

Сцена сменилась. Теперь я чуть старше. Голодная, грязная, в рваной одежде. Пряталась за бочками у таверны «Ли-

лит», задолго до того, как стала там работать. В окнах горел свет, лилась музыка, доносился смех и звон кружек. Я видела, как там едят. Настоящую еду. Мясо. Хлеб. Сыр. Я видела, как люди улыбаются, обнимаются. Я смотрела на это, как бездомный пёс смотрит на пиршество за стеклом, понимая, что этот мир тепла, сытости и общения – не для него. Это было воспоминание не о насилии, а о беспросветном, тихом отчаянии. О понимании своего места – в грязи, в тени, в вечном холоде.

И это было лишь немногим менее больно, чем первая сцена.

Картины плыли дальше, сменяя друг друга в калейдоскопической быстроте. Унижение на улицах. Голодные ночи на чердаках. Первый клиент, от которого пахло дешёвым вином и злобой... Всё самое тёмное, самое унижительное, всё, что я пыталась забыть, запихнув в дальний угол памяти и придавив тяжёлым камнем цинизма и практических навыков выживания.

Но что-то тут не так! Воспоминания были... искажёнными. Цвета – слишком яркие или, наоборот, выцветшие. Звуки – приглушённые или оглушительно громкие. Лица людей иногда расплывались, превращаясь в карикатурные маски. Это было похоже на дурной сон, где знакомые места и люди становятся чужими и враждебными. Кто-то или что-то намеренно коверкало моё прошлое, вытягивая на поверхность

только боль, страх и унижение, усиливая их до невыносимых пределов.

И сквозь этот водоворот искажённого кошмара я услышала Голос.

Сначала тихий, едва различимый, как эхо из глубокого колодца. Но он называл моё имя. Не «Чечилия». А детское, ласковое, которое использовала только одна женщина в моей жизни.

– Чешуня... Иди сюда, дитяtko... Не бойся, я с тобой!

Прабабушка. Голос был не таким, каким я его помнила – хриплым, полным усталой мудрости. Моложе. Теплее. Мягче. Таким, каким, наверное, она говорила со своей собственной дочерью, моей бабушкой, много-много лет назад.

Голос вёл меня. Сквозь вереницу ужасов, сквозь искажённые лица и декорации. Он был маяком в этом бушующем море негатива. Я не шла ногами – у меня не было тела. Плыла одним лишь намерением, следуя за этим звуком, боясь потерять его...

И вдруг, словно перейдя невидимую черту, отделяющую полумрак кошмара от ясного дня, я попала туда. Туда, где не было ни боли, ни страха. Туда, где я совершенно ничего не узнавала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.